

РкШ 14
С-72

А С К В О Р Ц О В

ЖИЗНЬ
ХУДОЖНИКА

ИВАНА

ПЕРВЕНКО

ИЗДАНИЕ
1 9 2 9

2323

КРАТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

+

Шифр Ш4 С42 Инв. № 2410523

Автор Савилов А. М.

Название Жизнь художника
Тараса Шевченко

Место, год издания М., 1929

Кол-во стр. 110, 511

"- отд. листов _____

"- иллюстраций 14 л. ил.

"- карт _____

"- схем _____

Том _____ часть _____ вып. _____

Конволют _____

_____

_____

Примечание:

4.04.89
[Signature]

1995

25.04 - 6768

7.07 - 24944

2008

8.04 - ил. к. Шевченко

Щ, 143 (240) 51-8 Шибчино Т. П.

„Мосполиграф“
14-я типография
Варгунихина гора, 8.
Главлит № А 38938.
Тираж 3.000.
Заказ № 1481.

38938

ИЗДАТЕЛЬСТВО АХР
МОСКВА-1928

О ИЗДАТЕЛЬСТВА

Выпуская книгу А. М. Скворцова о Шевченко, издательство отдает себе ясный отчет в особенностях этой книги.

О достоинствах ее легко может судить сам читатель. Здесь мы впервые узнаем, что Шевченко не только крупнейший национальный поэт Украины, но так же интересный и значительный художник. Книга дает яркий образ художника-гражданина и написана, как живой увлекательный рассказ.

Вместе с тем издательство считает необходимым отметить некоторые ее недостатки, проистекающие, главным образом, от увлечения автора своей темой. Автор с любовью следит за время перипетиями богатой биографии Тараса Шевченко: личность украинского поэта и художника, его страдания, его столкновения с бездушной николаевщиной, трогают и подкупают автора. Поэтому А. М. Скворцов невольно идеализирует и несколько, если можно так выразится, осовременивает мировоззрение Шевченко. О сколько-нибудь последовательной революционности Шевченко не может быть и речи. Достаточно указать, как

Шевченко оправдывался, когда его обвинили в рисовании карикатур на Николая I:

«Бездушному сатрапу и наперстнику царя пригрелось, что я освобожден от крепостного состояния и воспитан на счет царя, и в знак благодарности нарисовал карикатуру *своего благодетеля*». (Курс. наш.)

В 1850 г. он писал начальнику III отделения генералу Дубельту: «В жизнь мою не рисовал ничего преступного», видимо, разумея под «преступным» те же карикатуры.

Расплывчатый полуутопический, полухристианский социализм Шевченко далек от научного социализма Маркса и Энгельса, а его народолюбие — от тех задач переустройства мира, которые так четко были формулированы еще в 1848 г. в «Коммунистическом манифесте».

Нужно еще отметить на достаточно критическое отношение автора к источникам, которыми он пользовался для характеристики эпохи.

Советский читатель сумеет критически отнестись к объективизму автора.

Апрель 1929.

* *
*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Массовый русский читатель, ознакомившись по книге А. М. Скворцова с удивительной судьбой художника Шевченко и его произведениями возможно будет удивлен тем фактом, что Т. Г. Шевченко, революционный деятель и великий поэт Украины, в то же время является и большим мастером в области изобразительного искусства.

Т. Г. Шевченко обладал многогранным талантом, но более всего этот талант проявился в поэзии и живописи.

Несмотря на то, что царское правительство, запретившее Шевченко «писать и рисовать», не переставало заботиться об искоренении памяти о художнике-поэте и после его смерти, литературные произведения поэта проникли в самую толщу трудящихся масс Украины и стали в их руках, могущественнейшим орудием в борьбе за социальное и национальное освобождение.

История жизни поэта стала частью истории его родины.

Поэт, выступивший в эпоху мрачного царствования Николая I с протестом против царского строя, с проповедью социального равенства и братства, поэт, воплотивший в высокохудожественной форме социалистические идеи, — этот поэт, далеко опередивший свое время, должен был оставить яркий след, пережить свою эпоху.

Даже и теперь, после революции, Шевченко-поэт не утратил своего значения. С победой революции Шевченко много выиграл.

Интерес к Шевченко поистине стал массовым: за последнее десятилетие его произведения выдержали несколько десятков изданий; его могилу на Днепре в течение каждого лета посещают десятки тысяч организованных рабочих и крестьян; его годовщину ежегодно празднуют трудящиеся массы Советской Украины, много сделавшей для увековечения памяти поэта и художника.

Необходимо отметить, что за время революции выросла богатая литература о Шевченко. В Киеве работает целый научно-исследовательский институт по изучению жизни и творчества поэта-художника. Появились шевченковеды и выросло «шевченковедство». Современное украинское стиховедение обогатилось рядом ценных работ о стихе Шевченко. Этот стих имеет все признаки мастерства и серь-

езной культуры. Вольный стих, приближающийся к верлибру нашего времени, и широко усвоенный принцип аллитерации (принцип новый, тогда не только для украинской, но и для русской поэзии) свидетельствуют, что для своего времени Шевченко был в стихотворном мастерстве определенным новатором.

В результате ряда работ разбита созданная сентиментальным народничеством легенда о «горемыке Шевченко». Сильный, полный жизни и борьбы, любящий землю, труд и красоту, Шевченко не мог быть «горемыкой» и никогда им не был: даже в моменты нечеловеческого издевательства над поэтом со стороны николаевских сатрапов и офицеров он находил в себе силы для того, чтобы верить в победу правды на земле. Даже в стихотворении, написанном за несколько дней до смерти, поэт проявил эту силу, заявив, что справедливость должна воцариться на земле, иначе солнце остановится и сожжет оскверненную землю.

Теперь книга А. М. Скворцова разбивает еще одну легенду о Шевченко, до сих пор не изжитую в кругах русской интеллигенции. Это — мнение о Тарасе Григорьевиче как о кустаре-живописце, выросшее в результате отсутствия правильного представления о нем, как о художнике-мастере. Художнику меньше повезло, чем поэту. Произведения поэта проникли в массу и вызвали большую литературу

под ярким, синим небом; и там, и здесь, он певец «обездоленных», один из первых реалистов, несмотря на все посторонние влияния. Шевченко с самых детских лет влекло к живописному искусству. Этой страсти обязан он и освобождением от ненавистного крепостного ярма, и образованием, и, наконец, проявлением своего поэтического призвания. Он родился и чувствовал себя художником, поэзия пришла позднее. «Странное, однако ж, это всемогущее призвание! Я хорошо знал, что живопись — моя будущая профессия, мой насущный хлеб. И вместо того, чтобы изучить ее глубокие таинства и еще под руководством такого учителя, каков был бессмертный Брюллов, я сочинял стихи, за которые мне никто гроша не заплатил и которые, наконец, лишили меня свободы и которые, несмотря на всемогущее бесчеловечное запрещение, я все-таки втихомолку кропаю. Право, странное это неугомонное призвание». («Дневник»).

Ученик Брюллова³), страстно-влюбленный в него, как в художника и человека, Шевченко, однако, сумел освободиться от его классических влияний и выйти на реалистический путь. «Мне кажется, что свободный художник настолько же ограничен окружающею его природою, насколько природа ограничена своими вечными, неизменными законами. А попробуй этот свободный творец на волос отступить от вечной красоты природы, он делается богоотступником, нравственным уродом...» («Дневник»).

Украина не позволила ему отступить от природы, и ей же обязан он своей неизменной верностью далеким, взлелеянным с детства народным образам, которые увели его творчество от ослепительного блеска и внутренней пустоты Брюлловского искусства. «Перед его дивными произведениями (Брюллова) я задумывался

и лелеял в своем сердце своего слепца-кобзаря и своих кровожадных гайдамаков... Передо мной расстилалась степь, усеянная курганами. Передо мной красовалась моя прекрасная, моя бедная Украина, во всей непорочной меланхолической красоте своей... И я задумывался: я не мог отвести своих духовных очей от этой родной, чарующей прелести». («Дневник»).

Реалистический путь Шевченко с ясностью обозначается уже с первых его самостоятельных шагов по окончании академии и даже в ссылке, в тех невероятно тяжелых условиях, в которых ему пришлось провести целых 10 лет лучшей жизненной поры, движение его на этом пути продолжалось с непреклонной твердостью. Серия «Блудный сын» — убедительнейшее доказательство, что в лице Шевченко, мы имеем художника, заменившего в своем творчестве античных героев и богинь правдивой жизненной драмой и уже тем самым предвосхитившего реалистические заветы передвижничества.

В ссылке он мечтает сделаться гравером, чтобы иметь возможность распространять произведения искусства среди народа. Искусство для богатых было чуждо мировоззрению Шевченко. В «Дневнике» встречается такая запись: «Получил письмо от Кулиша⁴⁾). Он предлагает мне рисовать сцены из малороссийской истории, из песен и из современного народного быта. Рисунки, которые бы можно было вырезать на дереве, печатать в большом количестве, раскрашивать и продавать по самой дешевой цене. Прекрасная, благородная мысль».

Но не всем задачам и живописным стремлениям его суждено было осуществиться. Живописное наследство Шевченко невелико и далеко не соответствует его творческим возможностям. Слава поэта затмила его, как

художника. И ответом, на возникающие вопросы, почему же этот сын Украины не оставил более прочного следа как в истории русского, так и национального искусства, служит его многострадальная жизнь, лишь изредка озарявшаяся проблесками осуществления его творческих задач.

Время, предшествовавшее появлению на свет художника и певца Украины, является одним из самых мрачных периодов ее истории. Вторая половина XVIII в. ознаменовалась ликвидацией ее автономии и расформированием свободного казачества; тогда же было введено крепостное право, окончательно поработившее украинцев.

Следствием этой политики императорской России явились падение народного благосостояния и культурная отсталость; не остывающая же вражда крестьян против «панов» выливалась в кровавые гайдамацкие и крестьянские восстания, направленные против крепостного права.

Таков исторический фон, на котором вырос будущий художник. Его родина, Звенигородский уезд, была не один раз театром кровавых событий, а его ближайшие предки — дед Иван — принимали в них участие. И, таким образом, с самого раннего детства Шевченко слышал рассказы о прежней свободе, с самых ранних лет впитал в себя ненависть к крепостному праву и тогда же рассказы и песни стариков заложили основы его поэтического творчества, которое выявилось, однако, позже, чем его художническое призвание.

*

25 февраля 1814 г. в селе Моринцах, Звенигородского уезда, Киевской губ., у крестьянина Григория

Грушевского Шевченко родился сын Тарас, будущий художник и поэт, — гордость Украины. Спустя три года после его рождения семья Шевченко переселилась в соседнее село Кирилловку, где протекли его детские годы. О них дошло до нас мало сведений, которым отчасти помогают его собственные отрывочные воспоминания, разбросанные в его стихотворениях и повестях.

Григорий Шевченко был крепостным помещика Энгельгардта и, конечно, по своей нищете не представлял никакого исключения из общего положения тогдашнего крепостного крестьянства. В семье, кроме Тараса, было еще семь человек детей, а взрослых работников только двое — отец и мать. Понятно, что при этих условиях, когда значительная доля времени уходила на тяжелый барщинный труд, едва ли мог существовать какой-нибудь достаток в семье поэта. «Вот стоит передо мною наша бедная, старая, белая хата, с потемневшей соломенной крышей и черным дымарем», — так описывает он свое убогое жилище. Мальчиком он растет почти без призора, воспитанником старшей на восемь лет сестры Екатерины, о которой он хранит самые нежные воспоминания.

Автобиографическая повесть «Княгиня» рисует его «кубическим белокурым мальчуганом», впечатлительным и любознательным. Однажды, он уходит далеко от своей деревни, чтобы увидеть те железные столбы, что поддерживают небо. «И вот выходит он за село, прошел царину, прошел с полверсты поле, на поле стоит высокая, черная могила; он вскарабкался на могилу, чтобы с нее смотреть, далеко ли еще до тех железных столбов... Мальчуган задумался. Нет, думает он, сегодня поздно, не дойду я до тех железных столбов, а завтра вместе с Катрею».

Однако, такой более или менее беззаботной жизни, когда маленький Тарас рос на попечении Катри «любимцем незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки» очень скоро приходит конец. На девятом году его жизни умерла мать, незадолго до смерти которой сестра Екатерина была выдана замуж, и отец, оставшись с семью детьми, женится на вдове, вводя в свой дом еще трех маленьких ребят.

Вот как описывает поэт свою жизнь после этих событий. «С этого времени начинается длинный ряд самых грустных, самых безотрадных моих воспоминаний. Кто видел хоть издали мачеху и так называемых сведенных детей, тот значит видел ад в самом его отвратительном торжестве. Не проходило часа без слез и драки между нами детьми и не проходило часа без ссоры и брани между отцом и мачехой; мачеха особенно ненавидела меня, вероятно, за то, что я часто тузил ее тщедушного Степанка». («Княгиня»).

Очевидно, еще до смерти матери Тарас был отдан для обучения грамоте местному священнику, по всей вероятности, выведенному под именем дьяка Совгиря в повести «Княгиня». Дьяк, по выражению Шевченко, был «настоящий спартанец» и обучал при помощи «березовой каши». «Как настанет, бывало, суббота, он после вечерни и начнет нас всех по обыкновению кормить березовой кашей. Ну, это бы еще ничего, пускай бы себе кормил, нам эта каша была в обыкновение, а то вот где, можно сказать, истинное испытание: бьет бывало, а самому лежать велит, да не кричать и, не борзяся, явственно самому читать четвертую заповедь». В этой школе маленький Тарас выучился читать, но когда на место Совгиря прислали из Киева стихарного дьячка, оказавшегося горьким

пьяницей, он покинул школу. В 1825 г., когда Тарасу пошел 12-й год, Григорий Шевченко, отправившись в Киев, в дороге простудился и, возвратясь домой, вскоре умер. Умирая он предсказал судьбу своему в будущем знаменитому сыну. Распределяя крохи имущества между детьми, говорят, он сказал: «Сыну Тарасу из моего имущества ничего не надо, он не будет человеком каким-нибудь; из него выйдет или что-либо хорошее, или же большой негодяй. Для него мое наследство или ничего не составит, или ничему не поможет».

После смерти отца наступило для Тараса бедственное время. Один из его дядей, как он сам говорит, «предложил мне за ястие и питие пасти летом свиное стадо, а зимою помогать его наймиту по хозяйству; но я избрал другую часть». Этой «частью» была помощь пьянице дьячку Богорскому в чтении псалтыря над покойниками. «Хорошо еще если случались покойники в селе..., то мы еще кое-как перебивались; а не то просто голодали по нескольку дней сряду». Пьяный дьячок был жесток. «Мое детское сердце было оскорбляемо миллион раз», говорит Шевченко в «Автобиографии». Однако, в течение двух лет он выдерживал эту жизнь, уходя иногда к своей Катре в деревню Зеленую, голодный, босой, полураздетый. В конце концов Тарас убежал от дьячка, отомстив ему тем наказанием, которое терпел от него сам: найдя его пьяным он его связал и высек розгами. На этом окончилось школьное обучение поэта.

Еще в раннем детстве и позже, в период обучения псалтырю и прочей премудрости, у Тараса обнаружилось влечение к рисованию. Где только возможно, на обрывках бумаги, углем и мелом стал рисовать он «разные каракульки».

«...Ще в школі,
Таки в учителя-дяка,
Гарненько вкраду пятака
(Бо я було трохи не голе,
Таке убоге), та й куплю
Паперу аркуш, і зроблю
Маленьку книжечку; хрестами
І визерунками з квітками
Кругом листочки обведу,
Та й списую «Сковороду»,
Або «Три царіє со дари».

После побега начинаются скитания Тараса в поисках обучения живописи. Сначала он попадает к маляру-дьякону с. Лысянки. Но тот заставляет его таскать воду и растирать краски, и Шевченко на четвертый день обучения убегает к другому дьякону-иконописцу, славившемуся умением изображать Никиту и Ивана-воина. «К сему-то Апеллесу обратился я с твердой решимостью перенести все испытания, как думал я тогда, неразлучные с наукой... Но увы, мой Апеллес посмотрел внимательно на мою левую руку и отказал мне наотрез. Он объяснил мне, к моему крайнему огорчению, что во мне нет способности ни к чему, ни даже к шевству (сапожничеству), или к бондарству». («Автобиография»). С сокрушенным сердцем возвращается Тарас в родное село и становится пастухом:

«Мені тринадцятий минало,
Я пас ягнята за селом».

Но, несмотря на желание «сделаться пастырем стад непорочных», очень скоро обнаружилась непригодность его к этой профессии. Сидя со стадом, он больше

2410523

читал «свою любезную с картинками книжку, украденную у Богорского при побеге от него», чем наблюдал за «непорочными». Старший брат пробовал приучить его к крестьянскому труду, но из этого также ничего не вышло. Последовавшие отсюда, по всей вероятности, ссоры в семье заставили Тараса снова покинуть родной дом и на этот раз уже навсегда. Он ушел работником, «хлопцем-погоничем» к священнику Григорию Кошице, но и здесь не выказал никаких способностей к крестьянскому делу. Священник даже и впоследствии называл его «ледащим».

Влечение к живописи непреклонно напоминало о себе и заставляло искать счастья на этом пути. Он уходит в с. Хлипновку к тамошнему маляру, который оказался дальновиднее дьяка-хироманта. Две недели он испытывал Тараса и решил, что способности у него есть и что обучать живописи его следует. Однако, хлипновский маляр был осторожный человек: он знал, что Шевченко крепостной и для того, чтобы не держать у себя «беглого», ему нужно было письменное разрешение помещика.

Владетель семьи Шевченко В. Энгельгардт жил в местечке Ольшаной, где было сосредоточено все управление его имениями. Сюда-то и явился Тарас за разрешением к управляющему Дмитренко. Последний в это время набирал для полковника Павла Энгельгардта, сына старика, способнейших крепостных ребят, будущих лакеев, поваров, казачков и т. п. Дмитренко обратил внимание на бойкого, развитого мальчика, пришедшего просить разрешения учиться живописи, и вместо свободы Тарас получил приказание вступить в число дворовой челяди, из которой потом должен был перейти в «гвардию» владельца. Было это в 1829 г., когда Тарасу пошел шестнадцатый год,

и с этого времени начинается безотраднейшая пора его существования, вселившая в него навсегда самую лютую ненависть к причине его страданий, к крепостному праву.

«Потом воспоминания мои принимают еще печальнейшие образы. Далеко, далеко от моей бедной, моей милой родины,

Без любви, без радости
Юность пролетала.

Не пролетела, правда, а проползла в нищете, в невежестве и в унижении. И все это длилось ровно двадцать лет...» («Княгиня»).

Для начала Тараса определили в поварню и стали готовить на повара. Но и тут обучение столкнулось с непреклонной волей будущего художника. В каждую удобную минуту Тарас убегал в сад и здесь, где-нибудь в укромном уголке, отдавался своему любимому занятию — рассматриванию лубочных картинок, которых накопил всеми правдами и неправдами довольно большое количество. «Я, — говорит он, — пользовался каждым удобным случаем украсть со стены лубочную картинку и, таким образом, составил себе драгоценную коллекцию», Бесконечные «лозыны» не привели ни к чему и всего лишь после полугодового испытания в поварне его отправляют в Вильну к молодому Энгельгардту с советом сделать из него компанатного маляра.

Владелец Тараса рисуется нам совершенным типом крепостника-помещика, «напыщенным животным в торжковских туфлях», «амфибией» в отношении людей вышестоящих, как характеризовал его К. Брюллов, которому пришлось иметь с ним дело при выкупе Шевченко. Польский пан по своему укладу жизни,

Энгельгардт не внял совету своего управителя и определил Тараса в комнатные казачки. Спустя много лет, в 1860 г., вот как описывает Шевченко в «Автобиографии» свою тогдашнюю жизнь: «Помещик мой вменял мне в обязанность только молчание и неподвижность в углу передней, пока не раздастся его голос, повелевающий подать трубку, тут же возле него стоящую, или налить у него перед носом стакан воды. По врожденной мне продерзости характера, я нарушал барский наказ, напевая чуть слышным голосом гайдамацкие песни и срисовывая украдкой картины суздальской школы, украшавшие панские покои. Рисовал я карандашом, который — признаюсь в этом — без всякой совести украл у конторщика».

Это существование, в котором господствовавшей страстью было, как и раньше, «непреодолимое желание срисовать с картинок, насколько возможно, верные копии» приводит поэта, спустя долгие годы, «в ужас и кажется каким-то диким, бессвязным сном». Однако, сны были действительностью и вся жизнь художника-поэта протекала в упорной борьбе за право осуществить свое призвание. Как жестоко приходилось ему расплачиваться за это право видно хотя бы по такому случаю. В 1829 г. в Вильне, в день именин «неудобозабываемого тормоза» (так именует Шевченко Николая I) был бал, на который отправился и молодой Энгельгардт. А в квартире, в передней, сидел его казачок в ожидании приезда барина. Сидел и срисовывал портрет атамана Платова на коне. Рисует Тарас и не слышит, как бьет полночь, как открывается дверь и является барин. Он только «почувствовал, что чья-то рука немилосердно дерет его за ухо... Оглянулся — перед ним барин. Перед бариним — мастерская казач-

ка-художника...» Барин взбесился. «Да и как не взбеситься. Казачок не встретил его в сених, не отворил ему дверей и... осмелился жесть в передней свечу. Ведь этак он мог сжесть не только дом, но и весь город».

Жестокое наказание последовало за этой сценой: на утро Шевченко был выдран на конюшне, но палачи не услышали от него мольбы о пощаде. Конечно, такие сцены были неединичными в жизни будущего художника и только своей непреклонной воле обязан он тем, что одержал победу. Энгельгардт, видимо, решил, что хорошего казачка из него не сделаешь, а иметь своего придворного живописца во всех отношениях приятно и полезно.

Достоверных сведений о первых серьезных учителях Шевченко до нас не дошло. В письме к Бр. Залескому от 1854 г. можно усмотреть намек, что еще в Вильне он нача лобучаться рисованию у профессора живописи Виленского университета Яна Рустема. Вскоре мы видим его в Варшаве, куда переехал Энгельгардт, приходящим учеником у портретиста Лампи-младшего⁵⁾. Но у Лампи, как и у Рустема, он учился недолго, так как в конце 1830 г., или в самом начале 1831 г. Энгельгардт переезжает в Петербург. Готовившееся польское восстание заставило его бросить службу и бежать, из боязни отвечать перед революцией, или царским правительством, в случае его победы. Однако, кроме этого важного момента, каким именно явилось первое утверждение его ж и з н е н о г о п р и з в а н и я, в жизни Шевченко произошло другое, не менее важное, событие. К этому времени относится его юношеская сознательная любовь. Однако, свои первые нежные чувства он пережил еще в раннем детстве, когда «пас ягняти за селом». Оксана, которую он полюбил 9-летним мальчиком, не является

поэтическим вымыслом, а, как теперь установлено, действительно существовала, и ее образ в трогательных чертах проходит через его поэзию. В ссылке, в пустынных азиатских степях он вспоминает свою детскую любовь:

«Ми вкупочці колись росли,
Маленькими собі любились,
А матері на нас дивились
Та говорили, що колись
Одружимо їх... Не вгадали!
Старі заранне повмирали,
А ми малими розійшлись,
Та вже й не сходились ніколи».

Будучи на родине, Шевченко вспомнил Оксану и на вопрос о ее судьбе услышал: «Пошла в поход за солдатами, да и погибла».

Кто была девушка, которую он полюбил юношей, какой национальности, где протекал его роман в Варшаве или в Вильне, о всем этом сохранились только очень скудные сведения. В своем «Дневнике» 5 сентября 1857 г. он записывает: «Во сне видел церковь св. Анны в Вильне и в этой церкви, молящуюся милую Дуню, чернобровую Гусиковскую». В одном из писем к Бр. Залесскому⁹⁾ он говорит, что «Вильна дорога его сердцу по воспоминаниям». Несомненно одно, что девушка была свободным человеком, а он «крепаком», не имевшим своей воли, порабощенным человеком, с зародившейся уже любовью к свободе. Конечно, ужас бесправного своего положения будущий художник ощущал неоднократно много раньше, но, может быть, только теперь понял он его до конца. «Я в первый раз пришел тогда к мысли,—вспоминает он,—отчего и нам крепакам не быть такими

же людьми, как другие свободные сословия». Биографы рассказывают, что невозможность немедленного перехода от рабства к свободе доводила в то время Шевченко до мысли о самоубийстве, и если вспомнить такой печальный конец многих крепостных талантов, то можно вполне верить серьезности намерений и нашего «крепака»-художника.

Влияние девушки, которая по всей вероятности, была полька, сказалось и на его саморазвитии. Он выучился польскому языку и познакомился с произведениями Мицкевича⁷⁾. Пережив в это же время польскую революцию, он получил первые впечатления возможности борьбы за свободу, борьбы, в которой протекла вся его жизнь.

Роман прервался вместе с переездом в Петербург. Каким путем он пробрался в северную столицу, точно неизвестно: шел ли он по этапу, или в обозе на лошадях, вместе с прочей дворней помещика, или, наконец, по сообщению Костомарова — друга Шевченко, — на деньги, выданные временным польским правительством всем выселяемым русским. Но так или иначе в конце 1830 г. или в начале 1831 г. мы находим Шевченко в Петербурге.

* * *

Здесь барин отдает его на 4 г. в обучение к цеховому мастеру-маляру Ширяеву, державшему артель маляров и стекольщиков, между которыми у него постоянно находилось несколько «замарашек в тиковых халатах под именем учеников», выполнявших различные малярные работы. Ширяев был человек грубый, необразованный и чрезвычайно строгий; по словам Шевченко, он «соединял в себе качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другого дьякона-хиромантика». Ужас, который он наводил на учеников, надолго остался в памяти поэта. Много лет спустя, в своем «Дневнике», он вспоминает, как убежал в своем тиковом халате без спроса с работы на Петергофское гулянье и как, увидав грозного хозяина, «возвратился вспять, совсем не дивясь бывшему». Очень часто, отправляясь на малярные работы, проходил будущий художник через Летний сад и здесь, как прежде над лубочными картинками, не мог устоять перед соблазном срисовать какую-нибудь из статуй, украшавших сад. Видимо ученье у Рустема и Лампи успело повернуть его вкус от лубка к античным гипсам.

В один из таких моментов произошла встреча Шевченко с его земляком, художником Иваном Максимовичем Сошенко, имевшая решающее значение на судьбу будущего художника. В автобиографической повести «Художник», совпадающей в основных своих чертах с другими свидетельствами, Шевченко так описывает встречу: «Однажды ... (рассказ ведется от имени Сошенко) я пришел в Летний сад отдохнуть.. Приближаясь к тому месту, где большую аллею пересекает поперечная аллея и где в кругу богов и богинь Сатурн пожирает свое дитя, я чуть было не наткнулся на живого человека в тиковом грязном халате, сидящего на ведре, как раз против Сатурна.

Я остановился. Мальчик (потому что это действительно был мальчик лет четырнадцати или пятнадцати) оглянулся и начал что-то прятать за пазуху. Я подошел к нему ближе и спросил, что он здесь делает.

— Я ничего не делаю,— отвечал он застенчиво:— иду на работу, да по дороге в сад зашел, — и немного помолчав, прибавил: — я рисовал.

— Покажи, — говорю, — что ты рисовал.

Он вынул из-за пазухи четверку серой писчей бумаги и робко подал мне. На четвертке был назначен довольно верно контур Сатурна».

Сошенко дал свой адрес и пригласил мальчика к себе.

В первое же воскресенье Шевченко пришел к земляку с большим свертком бумаги в руках. «Я протянул ему руку. Он бросился к руке и хотел поцеловать. Я отдернул руку, меня сконфузило его раболепие. Я молча вошел в квартиру, а он остался в коридоре. Я снял сюртук, надел блузу, закурил сигару, а его все еще нет в комнате. Я вышел в коридор, смотрю,

приятеля моего, как не бывало; я сошел вниз, спрашиваю дворника: не видал такого? Видал, говорит, мало с бумагами в руке, выбежал на улицу. Я на улицу — и след простыл». В следующее воскресенье Сошенко нашел мальчика, рисующим Аполлона Бельведерского, обласкал его и спросил, зачем он убежал от него. «Вы на меня рассердились, и я испугался», — отвечал он. Вот до какой степени был в это время Шевченко загнан, угнетен и запуган.

Юный художник показал свои рисунки Сошенко, которого поразило в них «необыкновенное сходство с оригиналами». Сошенко хотелось очень помочь этому «алмазу в кожухе», но когда узнал, что тот крепостной, у него опустились руки. «До этой исповеди я думал о средствах к улучшению его воспитания, но выслушав исповедь, и думать перестал: он был крепостной человек. Меня так озадачило это грустное открытие, что я потерял всякую надежду на его преобразование». Однако, возвращаясь из трактира, куда Сошенко водил юношу пить чай, они встретили Венецианова³⁾, который, узнав в чем дело, упрекнул Сошенко в безнадежности. Когда, некоторое время спустя Венецианов подробно услышал печальную историю крепостного художника, он посоветовал Сошенко прежде всего познакомиться с хозяином Шевченко и по возможности стараться заставить последнего забыть его настоящее положение.

Сошенко зашел в Большой театр, где работала артель Ширяева, познакомился с последним и в конце концов уговорил его не препятствовать Шевченко приходить к нему по праздникам и в будни, когда не бывает работы. «Он (Ширяев) хотя и согласился, о все-таки смотрел на это, как на баловство, совершенно ни к чему не ведущее, кроме гибели». Шев-

ченко стал теперь постоянно бывать у своего нового покровителя, а спустя полгода произошла его первая встреча с Карлом Брюлловым, когда впервые возник вопрос о необходимости освобождения юноши.

Однажды Брюллов, любивший посещать своих учеников, зашел к Сошенко и, уговорившись идти с ним вечером в театр, попросил послать за билетами находившегося тут же Шевченко. После его ухода Брюллов, заинтересованный понравившейся ему «не крепостною физиономией его», расспросил о нем Сошенко, посмотрел его рисунки и уходя сказал: «О вашем ученике нужно хорошенько подумать». Когда вечером Сошенко зашел в мастерскую Брюллова, он застал там Жуковского⁹⁾ и Виельгорского¹⁰⁾, рассматривающих писавшееся тогда Брюлловым «Распятие». «Жуковский вышел в другую комнату. Брюллов, увидевши меня, улыбнулся и пошел за Жуковским. Через полчаса они возвратились в мастерскую, и Брюллов, подойдя ко мне, сказал, улыбаясь: «Фундамент есть».

Однако, прошло еще очень много времени и пришлось преодолеть сверхъестественные трудности прежде, чем наступило освобождение.

Шевченко познакомился с Брюлловым. «Восторг моего ученика был неописанный, когда Брюллов ласково и снисходительно похвалил его рисунки. Я в жизнь мою не видел веселее и счастливее человека, как он был в продолжение нескольких дней... Увижу ли я его еще когда-нибудь так близко? И после этого вопроса приятель мой начинал плакать».

Теперь Шевченко стал довольно часто, хотя и незаконно, посещать академические классы и рисовать под наблюдением Сошенко с античных гипсов. Жизнь

его, несомненно, улучшилась, но тем сильнее должен был он переживать свое угнетение, свою неволю, когда приходилось возвращаться из этого светлого мира на грязный чердак к грозному и жестокому хозяину и постоянно ощущать ненавистное крепостное ярмо.

Брюллов отправился к Энгельгардту. Когда Сошенко вечером зашел к «Великому Карлу», между ними произошел следующий разговор: «Это самая крупная свинья в торжковских туфлях!». Такими словами встретил меня Карл Павлович. «В чем дело? — спросил я его, догадавшись, о ком идет речь. — Дело в том, что вы завтра сходите к этой амфибии, чтобы он назначил цену вашему ученику. «Карл Великий» был не в духе. Долго ходил он молча по комнате, наконец плюнул и проговорил: «вандализм».

Сошенко сам не пошел к Энгельгардту, а попросил Венецианова переговорить с владельцем Шевченко, рассчитывая, что появление старика-профессора произведет большее впечатление. Однако, на Энгельгардта трудно было подействовать таким способом. Он продержал Венецианова около часа в своей передней, а затем повел чисто практический разговор. «Вот так бы давно сказали, а то филантропия, какая тут филантропия! Деньги и больше ничего! Так вы хотите знать решительную цену? Так ли я вас понял?» И тут же назначил 2.500 руб. за выкуп своего крепостного. «Он человек ремесленный, при доме необходимый». А необходимость Шевченко заключалась в том, что его работы настолько понравились помещику, что «он начал употреблять меня для снятия портретов с любимых своих любовниц, за которые иногда награждал меня целым рублем серебра». («Автобиография»).

Теперь оставалось найти эти злополучные две с половиной тысячи, а пока Сошенко, предложив Ширияеву написать с него даром портрет, выговорил Шевченко месячный отпуск. Этот месяц молодой художник провел в подавленном настроении. Надежда на свободу упорно отступала перед невероятностью цифры выкупа. В конце месяца Шевченко заболел горячкой, и его пришлось отправить в больницу. А между тем, Брюллов с Жуковским придумали следующий способ собрать необходимые деньги. Брюллов решил написать портрет с Жуковского, разыграть его в лотерею, а вырученные деньги должны были составить «цену свободы». И вот, в то время, когда юноша лежал в больнице, Брюллов закончил портрет, были собраны деньги, и 22 апреля 1838 г. Энгельгардт продал свое «право» на «ревизскую душу» Тараса Шевченко.

Весть об освобождении пришла к Шевченко через его бывшего хозяина Ширияева, зашедшего в больницу. И когда через несколько дней Сошенко пришел навестить выздоравливающего, между ними произошел следующий разговор: «Правда ли? Можно ли верить тому, что я слышал?» Таким вопросом встретил он меня у дверей своей палаты.

— Я не знаю, что ты слышал.

— Мне говорил вчера хозяин, что... я...

И он остановился, как бы боясь окончить фразу, и, помолчав немного, едва слышно проговорил: «что я отпущен... что вы...» И он залился слезами... «Через несколько дней он выписался из больницы и поселился у меня на квартире совершенно счастливый... В продолжение нескольких дней он был так счастлив, так прекрасен, что я не мог смотреть на него без умиления. Восторги его сменялись тихой улыбающейся

радостью. Во все эти дни хоть он и принимался за работу, но работа ему не давалась, и он, бывало, положит свой рисунок в портфель, вынет из кармана отпускную, прочитает ее чуть не по складам, поцелует и заплачет». («Художник»).

Так принял он долгожданное освобождение. Вскоре после художник делается пенсионером Общества поощрения художеств и начинает посещать классы академии, становясь одним из любимейших учеников Карла Брюллова. В «Дневнике» Шевченко вспоминает «быстрый переход с чердака грубого мужика-маляра в великолепную мастерскую величайшего живописца нашего века». Ему не верится, что он «ничтожный замарашка — на крыльях перелетел в волшебные залы академии художеств».

Но он не только перелетел в залы академии, а через Брюллова соприкоснулся с людьми, которые совсем незадолго до того составляли Пушкинский круг. Воспоминания о Пушкине жили среди них, и в «Художнике» мы находим отзвуки этих воспоминаний. «За чаем Карл Павлович прочитал «Анжело» Пушкина и рассказал, как покойный Александр Сергеевич просил его написать с его жены портрет и как он бесцеремонно отказал ему, потому что жена его косая. Он предложил Пушкину с самого его написать портрет, но Пушкин оплатил ему тем же. Вскоре после этого поэт умер и оставил нас без портрета. Кипренский¹¹ изобразил его каким-то денди, а не поэтом» («Художник»).

С этого времени начинаются систематические занятия Шевченко живописью под руководством сначала Сошенко, а потом самого Брюллова, и в то же время он усиленно старается пополнить свое образование. Библиотека Брюллова была открыта молодому ху-

дожнику. За короткий срок он успел прочитать биб-
лию, историю Греции, всеобщую историю средних ве-
ков, познакомился с произведениями Гомера, Гете,
Шиллера, Вальтер-Скотта, а также с произведениями
польских и русских писателей. Его особенно интересо-
вала история родного края, и он знакомится со всей
существовавшей в то время литературой об Украине.
Кроме чтения, он старательно посещает лекции некото-
рых профессоров: так прослушивает курс физиологии,
зоологии, физики. Учится французскому языку у
своего друга студента поляка Демского. Классы ака-
демии посещаются настолько исправно, что он боится
пропустить хотя бы одну лекцию. Живет он после
освобождения вместе с Сошенко, но вскоре покидает
его и переезжает в квартиру своего товарища по ака-
демии художника Михайлова¹²⁾, тоже ученика Брюл-
лова. В 1839 г. в Петербург приезжает, вернувшийся
из Украины, художник Штернберг¹³⁾, с которым
Шевченко очень подружился, и они стали жить вместе.
Об этом времени он вспоминает, как «о незабвенных
золотых днях молодости, пролетевших сном радости».
В повести «Художник» Шевченко подробно описы-
вает свою в то время счастливую жизнь: «Вот как
мы проводили наши дни и ночи: по утру в девять
часов я ухожу в живописный класс (я уже делаю
этюды масляными красками и прошедший экзамен
получил третий номер), Штернберг остается дома и
делает из своих эскизов или рисунки акварелью или
небольшие картины масляными красками. В одиннад-
цать часов я или захожу к Карлу Павловичу или
прихожу домой и завтракаем с Штернбергом чем
бог послал; потом я опять ухожу в класс и остаюсь
там до трех часов. В три часа мы идем обедать к ма-
дам Юргенс... После обеда я отправляюсь в классы,

а к семи часам в классы приходит Штернберг, и мы или идем в театр, или, немного погулявши по набережной, возвращаемся домой, и я читаю что-нибудь вслух, а он работает, или я работаю, а он читает».

Вместе с Брюлловым он посещает Эрмитаж и частные картинные галереи Петербурга. Осмотры являются «блестящими лекциями Брюллова по теории живописи», при чем, как это ни кажется странным, но «Великий Карл» останавливается и перед произведением Тенирса¹⁴⁾, и в особенности перед его «Казармой», с которой впоследствии, в ссылке, Шевченко мечтает сделать офорт и которая, несомненно, оказала влияние на создание его жутких сцен из казарменной жизни.

Свободное время Шевченко проводит в обществе Брюллова, своих товарищей по академии: Михайлова, Пономарева¹⁵⁾, Петровского¹⁶⁾, Ткаченко¹⁷⁾, Иохима¹⁸⁾, посещает семейство Шмидтов, которое считает для себя «благодатью господней», инспектора университета Фитцума, где, по его словам, «блаженствует, упиваясь по вечерам квинтетами Бетховена и сонатами Моцарта». В то же время он сближается с своими земляками-украинцами: баснописцем Гребенкой¹⁹⁾, ученым Остроградским²⁰⁾, богатым просвещенным помещиком Тарновским, большим любителем искусства.

Работа Шевченко в академии протекает успешно. В 1839 г. за этюд «Бойца» его переводят в натуральный класс с серебряной медалью 2-й степени, в 1840 г. такую же медаль получает он за композицию «Мальчик-сиротка делится под забором милостыней с собакой». Реалистический сюжет, уже в то раннее время его учения, имеет для него притягательную силу. В 1841 г. снова медаль за живопись историческую и рисунок «Цыганка», при чем в постановлении акаде-

мии упоминается при этом и об его успехах в портрете. Многочисленные композиции работаются им одновременно дома. Его первой самостоятельной пробой был эскиз на классическую тему «Эдип в Афинах», вызванный трагедией Озерова²¹). Позднее его начала захватывать романтика средних веков, но на этом пути он получил суровую отповедь Брюллова. «Я начертил эскиз, как Петр Пустынник ведет толпу первых крестоносцев через один из германских городов, показал Карлу Павловичу, но он мне строжайше запретил брать сюжеты из чего бы то ни было, кроме библии, древней греческой и римской истории». «Там, — сказал он, — все простота и изящество, а в средней истории — безнравственность и уродство». К счастью, подобного рода советы не оказали особого влияния на будущее развитие реалистических основ его творчества.

С одним из приятелей он ходит на Смоленское кладбище, на Крестовский остров и, наблюдая природу, рисует травы и деревья. Его увлекает портрет, и он начинает работать акварелью, достигнув в очень короткое время значительных успехов. «У меня теперь деньги водятся. Я начал рисовать акварельные портреты, сначала по приятельски, а потом из-за денег. Только Карлу Павловичу еще не показываю: боюсь. Я больше придерживаюсь Соколова²²); Гау²³) мне не нравится: приторно-сладкий». («Художник»). Так постепенно идет он своей дорогой, относясь, однако же, с полным еще уважением к академии, к ее наградам и с душевным трепетом к своим успехам. «Карл Павлович постоянно мною доволен, какое же может быть отраднее, существенное поощрение для художника? Я безгранично счастлив». (Там же).

Он испытывает душевные муки перед академической оценкой программы. Он почти уверен в провале. «Войти в академию я боялся: академические ворота показались мне разинутою пастью какого-то страшного чудовища... Профессор уже прошел из дырля в конференц-зал, ужасная минута близилась. Андрей Иванович (инспектор) вышел из круглой залы, я ему первый попался навстречу, и он, проходя мимо меня, шепнул мне: «Поздравляю». В жизнь свою я не слышал, да и не услышу такого сладкого, такого гармонического звука. Я стремглав бросился домой». («Художник»).

Работа над акварельными портретами материально улучшила жизнь художника и позволила ему допустить роскошь в костюме, дорогие места в театре, за что впоследствии его упрекал его первый воспитатель Сошенко: «Он частенько стал раз'езжать на вечера, вошел в моду, его приглашали, как диковинку, он стал хорошо одеваться, в него вселился светский бес, досадно было мне смотреть на его безалаберную жизнь, не свойственную нашему брату-плебею...»

Нельзя, однако, забывать, какой резкий переход существовал между прежней и новой жизнью Шевченко. Естественно, что ему прежде всего хотелось стереть разницу положений, отвлечься и забыть прошлое. Да и сам он прекрасно отдавал отчет в этих своих стремлениях. «Я был в то время настоящий ребенок. Меня больше всего занимал тогда мой непромокаемый плащ. Не странно ли, меня тешит праздничная обнова. А если подумать, так и не странно».

Однако, его домашняя жизнь протекала в убогой обстановке. Полтавский помещик Мартос, с которым

познакомился Шевченко и с которого рисовал портрет, рассказывает, что квартира художника находилась «под небесами» и состояла «из совершенно пустой передней и другой небольшой комнаты с полукруглым окном; в ней едва могли помещаться кровать да что-то вроде стола, на котором разбросаны были принадлежности артистических занятий хозяина, мольберт и один полуразломанный стул. Пыль лежала толстыми слоями; на полу валялись полуисписанные изорванные бумаги; по стенам стояли обтянутые в рамках холсты, на некоторых были начаты портреты и рисунки». Однако, бедность едва ли происходила от недостатка платной работы. Заказов у художника было много, но мало было времени на их исполнение, да и платили заказчики далеко не исправно. Богатые бары часто не считали нужным вовсе расплачиваться за труд художника. Помещик Демидов заказал ему портрет своей невесты. Для исполнения Шевченко ездил в Гатчину, где жила невеста, но когда портрет был готов, Демидов отказался платить деньги. Кавалергад, ротмистр Апрелев, богатый человек, оказался тоже неплательщиком. «Я, — говорит Шевченко, — окончивши портрет, отправился к другу получить деньги; друг не принимает, я в другой раз, в третий, в четвертый, все то же; этак раз десять. Я плюнул и перестал ходить». («Автобиография»). С такими заказчиками, конечно, трудно было достичь материального благополучия.

В то же самое время, когда Шевченко упорно добивался успехов на избранном им с раннего детства пути, обнаружилось и его второе, доставившее ему славу, призвание. О начале его литературной деятельности существует следующий рассказ уже упоминавшегося помещика Мартоса. «В один из сеансов Мар-

тос заметил валявшиеся на полу куски исписанной бумаги. Подняв один из них, он прочитал на нем стихи:

Червоною гадюкою
Несе Альта вісті,
Щоб летіли круки з поля
Ляшків-панків істи, —

отрывок из «Тарасовой нічи».

«Что это такое?» — спросил Мартос Тараса Григорьевича. — «Да, это — если нападёт на меня тоска, я и начинаю пачкать бумагу...»

«...Шевченко вытащил из-под кровати лубочный ящик, наполненный кусками бумаг. Мартос начал разбирать, но никак не мог добиться толку и сказал:

«Дайте мне эти бумаги домой, я их прочитаю».

«Взяв бумаги, Мартос отправился к Гребенке. Привели бумаги в порядок и прочитали. На следующий сеанс Мартос ничего не говорил Шевченко о бумагах, ожидая, не спросит ли он сам; но он уперно молчал. Тогда Мартос сказал: «Знаете ли, что Тарас Григорьевич, ваши стихи очень, очень хороши. Хотите напечатать?»

«Нет, нет! Не хочу, не хочу! Ей-богу, не хочу! Пожалуй, ещё побьют за них».

Много труда стоило получить согласие Шевченко. Наконец, он согласился, и Мартос представил его стихотворения в цензуру, а потом и в типографию».

В феврале 1840 г. появился в свет первый «Кобзарь». Соответствует ли действительности этот рассказ Мартоса или нет, но во всяком случае он правдоподобен, когда же впервые начал писать Тарас Григорьевич, об этом он никому не поведал. В «Автобиографии» он говорит лишь, что первые литературные опыты начались в Летнем саду, в светлые безлун-

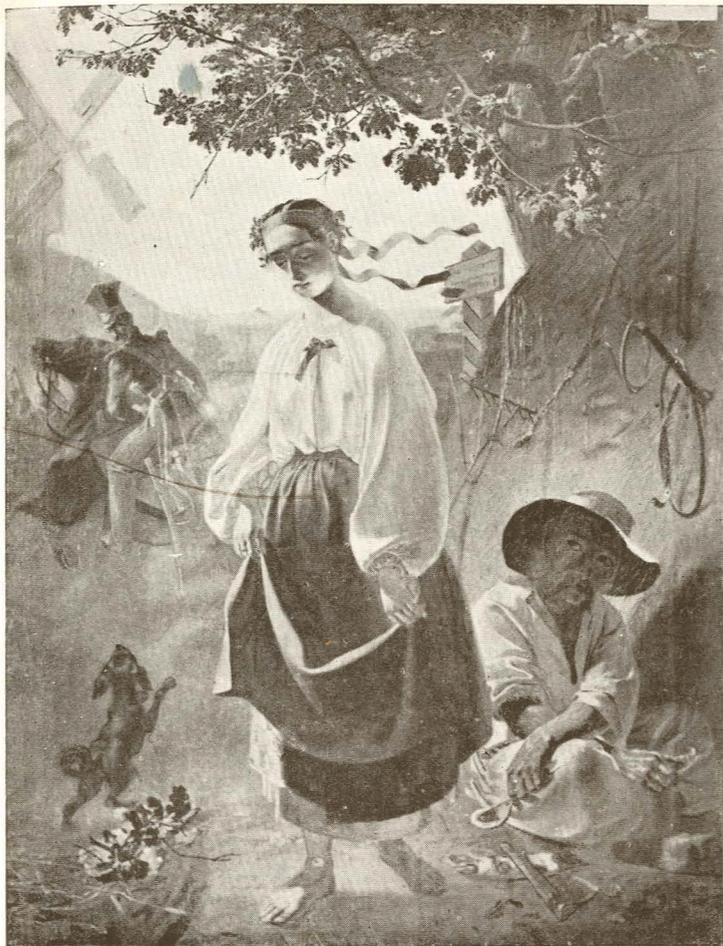
ные ночи. «Украинских строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращенного жизнью в школе, в помещичьей передней, на постоялых дворах, в городских квартирах, но когда дыханье свободы возвратило моим чувствам чистоту первых лет детства, проведенных «пид убогою батькивською стрихою», она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой стороне». («Автобиография»).

Вслед за «Кобзарем», в том же 1840 г., появляется особым изданием «Катерина», «Гайдамаки» и другие поэмы.

Впечатление от поэзии Шевченко на Украине было потрясающее. Украинский писатель Квитка писал поэту, что по прочтении «Кобзаря» у него «волосы стали дыбом, а на сердце что-то защемило и позеленело в глазах... Я прижал книгу к сердцу, потому что преклоняюсь перед вами, а ваши мысли крепко ложатся на душу».

Литературная известность художника растет, к этому же времени относятся и его первые публичные выступления в качестве иллюстратора. С его рисунками выходит издание «Наши, списанные с натуры русскими», в «Сто русских литераторов» помещен его рисунок «Католический монах», в 1843 г. он иллюстрирует изд. Н. Полевого «История Суворова» и, наконец, в 1845 г. изд. того же Полевого «Русские полководцы», где все 12 портретов гравированы англичанином Робинзоном с «портретов, рисованных известным художником Т. Г. Шевченко», как сказано в «Предисловии».

В эти же годы он вообще много рисует. Известны его вымышленные сцены лагерной жизни, походы и привалы солдат, сцены из жизни Крымских и Ногайских татар. «Здесь его привлекали парады, живопис-

КАТЕРИНА
Черниговский Музей

ные сцены восточного быта и лагерной жизни, которым он придает иногда украинский колорит. Неприятельский турецкий лагерь, жизнь крымцев и ногайцев, он, сообразно моде своего времени, рисует по заученному от Брюллова шаблону, повторяющемуся и в других его восточных жанрах, начиная с «Гарема» и кончая эскизами «Саломеи» и разных одалисок. Условная, несколько преувеличенная мимика персонажей Шевченко отдает здесь той же заученной театральностью, которая была иногда и у Брюллова». (К. Шероцкий — «Шевченко-художник»).

К 1841 г. относится его большая картина «Катерина», написанная на сюжет его поэмы того же названия. В письме к Тарновскому он пишет: «...Картина изображает «Катерину» в то время, когда она, простясь с своим москальком, возвращается в село. У «Царыны» сидит возле будки дед, делает ложку и печально посматривает на Катерину; а она бедная едва сдерживает слезы да поднимает передник, потому что, знаете, уже того... немного заметно. Москаль (солдат) удирает за своими, только пыль столбом... Его догоняет плохонькая собачонка и лает на него... По одной стороне курган, на нем мельница; по другой только степь синееет. Такова моя Катерина». Писанная вдали от родины, на основании старых впечатлений, картина носит на себе следы искусственности и условности Брюлловской школы, но она знаменательна, как опыт живописного претворения его поэзии.

Художника начинает притягивать родина, и он всячески стремится осуществить поездку на Украину. В особенности тяга усиливается после зарождения мысли об издании «Живописной Украины». Увлекаясь родной историей, прошлым Украины он не мог оставь-

ся безучастным к его изображению. И возможно, что пример самого учителя, в его глазах «Великого Карла», навел его на мысль о создании серии исторических украинских картин. Он увидел Брюлловскую «Осаду Пскова». При первом взгляде на нее у него «дыхание захватило»: «передо мной стояла не картина, а со всем ужасом и величием живая «Осада Пскова». И если учитель, вопреки всем своим советам, погрузился в «уродливое» средневековье, то понятно, что романтически настроенному ученику да еще к тому же влюбленному в свою родину стало ясно, что он может и должен стать изобразителем истории и быта родного края. В письме к О. М. Бодянскому²⁴), он пишет в 1844 г., что задумал издание Украины в трех книгах, намереваясь поместить в первой — живописные или интересные по историческим событиям виды, во второй — живой быт, а в третьей — историю и предлагает Бодянскому писать тексты к историческим картинам, а Кулишу — к картинам из современного быта и природы. Увлеченный изданием художник начинает изучать гравюру, при чем необходимо отметить, что в гравюрном классе академии преподавалась только гравюра резцом: офорт был заброшен. И здесь ему пришлось идти самостоятельным путем, на котором его привлекал Рембрандт с его техникой офорта и учеником которого в этой области искусства он должен считаться.

Шевченко не удалось полностью осуществить свою мечту: вышла только одна книга с шестью офортами. Из них первый — «Судня рада» — жанровая сельская сцена, представляющая Шевченко истинным реалистом, опередившим на несколько десятилетий первых русских изобразителей крестьянского быта — передвижников.

Второй офорт — «Дари в Чигрині» — сцена приема турецкого, московского и польского послов в резиденции Богдана Хмельницкого; третий жанровый офорт — «Старости», четвёртый и пятый — пейзажи: «Виду-бицький монастирь» и «У Києві», и, наконец, последний — «Казка»: изображение смерти и солдата, угощающихся табаком. Достоин внимания, что фигура смерти дана в соответствии с украинским народным представлением о ней — смерть разгуливает в украинском наряде.

Первый и, к сожалению, последний том «Живописной Украины» вышел в 1844 г., но еще до создания этих рисунков Шевченко удалось два раза побывать на Украине. Впервые свободным человеком приехал он на свою родину летом 1843 г. и был восторженно принят местным обществом.

Ко времени этих поездок относится знакомство художника с семейством князя Н. Г. Репнина, жившем в имении «Яготин», Полтавской губ., — событие, имевшее длительное влияние на жизнь Шевченко. По утверждению современников, Репнин был просвещенный, гуманный человек, хорошо относившийся к крепостным. Насколько эти утверждения точны, судить затруднительно. Следует лишь принять во внимание, что Шевченко прекрасно разбирался в людях. Он никогда не забывал своего происхождения и тех бесконечно близких ему людей, которые продолжали нести на своих плечах гнет крепостного ужаса. Сблизившись с помещиком Лукашевичем, он разошелся с ним только из-за того, что последний, желая его повидать, послал за ним за 30 верст в Яготин к Репниным своего крепостного человека в суровый, морозный день и строго приказал ему немедленно же вернуться. Случай этот произвел на него

сильное впечатление, и он рыдал, когда рассказывал о нем и о последовавшем затем письме Лукашевича В. Н. Репниной. О другом подобном случае рассказывает Чужбинский, когда Шевченко расстался тоже с приятелем помещиком, который в его присутствии «собственноручно» разбудил слугу, задремавшего в передней.

С дочерью Репнина, Варварой Николаевной, у Шевченко возникли сложные отношения, которые наложили печать, как на его творчество, так и на всю его последующую жизнь. Переписка с Репниной в ссылке была почти единственной духовной радостью поэта.

Шевченко приехал в Яготин по просьбе Тарновского, который заказал ему копию с портрета старика Репнина. Его первое посещение Яготина было кратковременно. Вторично он приехал в октябре 1843 г. и прожил до декабря и, наконец, в третий раз он жил в Яготине с 23 декабря по 10 января 1844 г. Кроме копии с портрета Репнина им были написаны два портрета самой Варвары Николаевны и маленьких детей В. Н. Репнина, ее брата.

«Уже то одно, что в доме Репниных не давали себя чувствовать тогдашние социальные предрассудки, что разночинец, недавний крепостной Шевченко мог так быстро стать своим человеком в княжеской семье, достаточно характеризует простоту и порядочность, господствовавшие в этом доме. И меньше всех, разумеется, учитывала разницу положений Варвара Николаевна, напротив, в ее глазах, при ее отращении к крепостному праву, прошлое Шевченко окружало его особенным ореолом. (М. Гершензон, «Русские пропилеи», т. 2).

«Варвара Николаевна увлеклась Шевченко. Отчасти, вероятно, возраст, — она была уже немолода, —

ПОРТРЕТ В. Н. РЕПНИНОЙ
Гос. Третьяковская Галерея

Портрет сына Труцкого
Сергей Труцкий
Музей-квартира Ильяса
1957 г. № 1000

главным же образом ее пылкая религиозность, сделали то, что ее чувство сразу приняло материнский характер. Она хотела видеть Шевченко всегда духовным и светлым. А он был живой, легко увлекающийся, любил и подурачиться, и поухаживать за барышнями, и особенно покутить в веселой холостой компании... В. Н. глубоко страдала; она видела в его падениях тяжкий грех против гения и считала своим святым долгом напоминать ему о его высоком призвании... Но иногда сквозь этот христианский идеализм, сквозь материнскую заботу, пробивается подлинная страсть, чувственная и бурная, готовая разорвать все узы... В. Н., вероятно, правильно определила положение, когда писала: «Если бы я видела с его стороны любовь, я, может быть, ответила бы ему страстью». Шевченко был тронут, умилен, — но и только. Им руководило верное чутье: ему нужна была в спутницы не княжна Репнина, хотя и чудесный человек, а девушка вроде той хорошенькой 16-летней Федосьи Григорьевны, дочери священника в его родной Кирилловке, к которой он посватался неудачно осенью 1844 г.

Чувство, зародившееся в Варваре Николаевне, не могло разгореться, тем более, что люди окружавшие ее, употребили все усилия, чтобы погасить это чувство». (М. Гершензон. «Русские пропилеи», т. 2). Шевченко уехал, разлука ослабила чувство, которое, по позднему признанию самой княжны, было лишь «откликом на поэтические выражения его наболевшей души», но переписка между ними продолжалась долгие годы. Виделись они после этого только дважды и то мимолично: в 1847 г. перед ссылкой и в 1858 г. после нее, при чем во время самого страшного периода жизни поэта княжна много хлопотала за него перед властями.

Между этими наездами на Украину жизнь Шевченко в Петербурге протекала в работе над «Живописной Украиной» и в хлопотах с последними экзаменами в академии. Его планам о поездке за границу не удалось осуществиться. Он не стал выполнять программу на золотую медаль и не получил казенной заграничной командировки. 25 марта 1845 г. совет академии, «принимая во внимание, что Шевченко известен по своим работам и был уже награжден двумя медалями за успехи в живописи», выдал ему диплом на звание свободного художника, и он тотчас же покинул Петербург, отправляясь на Украину. Проездом он останавливался на несколько дней в Москве, где виделся с своими земляками-друзьями, проф. Бодянским и великим актером Щепкиным²⁷⁾, виделся в последний раз перед 13-летней разлукой.

Многоводная весна этого года задержала Шевченко в пути и только в конце апреля он прибыл в Киев. Из Киева он делал многочисленные поездки к себе на родину, в разные места Звенигородского и Киевского уездов, гостил у Закревских, посетил Ромны, где рисовал бывшую там Ильинскую ярмарку. В это же время он много работает: пишется поэма Иоанн Гус, мистерии и множество стихотворений.

В Киеве он знакомится с Кулишем и кругом его знакомых, профессоров и членов Археологической комиссии: Иванишевым²⁸⁾, Максимовичем²⁹⁾ и др., а также окружавшей их молодежью: «Молодежь эта», — говорит Кулиш, — «была глубоко просвещена... Апостольство любви к ближнему доходило у нее до энтузиазма. И потому, когда она услышала песни Шевченко, она восприняла их, как голос воскрешающей трубы архангела... Среди этой молодежи родилась мысль проповедывать среди помещиков освобождение

крестьян посредством христианского и национального просвещения. Они желали и надеялись посредством науки и поэзии вдохновить лучших людей из среды помещиков»... Так образовалось зерно будущего Кирилло-Мефодиевского братства, которое через два года привело художника в ссылку, испепелившую лучшие творческие годы его жизни.

В то же время состоялось преобразование Киевского временного комитета для изыскания древностей и передача его функций комиссии для разбора древних актов. Таким образом, в задание комиссии вошло собирание, как исторических, так и археологических памятников. Конечно, прежде всего стало желательным привести в известность все сохранившиеся в юго-западном крае памятники древности, для чего необходимо было иметь их изображения; отсюда же вытекала неизбежность иметь в числе работников комиссии хорошего рисовальщика. Во всем крае их не оказалось, за исключением одного учителя рисования в киевском институте благородных девиц, и Шевченко был приглашен постоянным сотрудником на жалование 150 руб. в год. В ноябре 1845 г. его командировали в Полтавскую губ., хотя фактически он находился там с середины лета, а осенью посетил родную Кирилловку и Субботов. В Субботове он написал акварелью Богдановы руины и Богданову церковь, одну из лучших своих архитектурных акварелей. Побывал он в Чигирине, где также зарисовал местные древности и под впечатлением этих посещений задумал писать большую картину «Смерть Богдана Хмельницкого», о чем свидетельствует этюд Черниговского музея. В течение осени он объездил Прилуки, Миргород, Хорол, Полтаву и Переяслав, где всюду зарисовывал остатки старины, примечательные

в том или ином историческом отношении. Таким образом задания комиссии вполне совпадали с его собственными планами, задуманными в связи с «Живописной Украиной». Особенно интересны его рисунки Густынского монастыря.

Все это время Шевченко усиленно работает. Несмотря на дважды перенесенную тяжелую болезнь: первую в Миргороде в октябре, и вторую — тиф, в декабре в Переяславе, он много пишет и много рисует. В начале 1846 г. он совершает поездку в Черниговскую губернию, зарисовывает древности Чернигова, Нежина и весной, после Пасхи, возвращается в Киев, где и ⁴³проводит почти полностью весь остаток 1846 года. В Киеве он встречается с Афанасьевым-Чужбинским ³⁰) и своим товарищем по Академии художником Сажиным и селится с ними вместе. Чужбинский так рассказывает в своих «Воспоминаниях» об этом времени: «Шевченко задумал снять все замечательные виды Киева, внутренности храмов и интересные окрестности. Сажин взял на себя некоторые части, и оба художника пропадали с утра, если только не мешала погода». Киев глубоко запал в душу художника. В ссылке, в далеких киргизских степях, его воображение часто переносилось «на берег сурового Днепра».

К сожалению, далеко не все произведения этого времени сохранились до наших дней. Известна акварель «Костел в Киеве», рисунки карандашом «Выдубецкий монастырь», «Гора Щекавица», «Дорога в Киев», «Вид старого Киева» и «Вид Подола». Конечно, их было много больше. По воспоминаниям его друзей, по собственным письмам мы знаем, что рисовал он Золотые ворота, Киевский сад и особенно много рисовал в лавре. Чужбинский вспоминает, что его при-

влекало «странное» свечение, в котором полумрак галлерей, обсаженных деревьями, прорывался вдутом потоком света и яркий треугольник прорезывал наискось часть коридора, группы калек с оригинальными лицами, с лохмотьями и умоляющими голосами».

В сентябре он получил от Комиссии командировку на Волинь и Подолию. Эта поездка имела для него, как художника и поэта, большое значение. До этого времени он знал только Киевщину и Левобережную Украину, теперь же он убедился в том, что «от берегов тихого Дона до кремнистых берегов быстро текущего Днестра — одна почва земли, одна речь, один быт, одна физиономия народа, даже песни одни и те же, как одной матери дети». Он посетил Каменец-Подольский, Почаев, окрестности Ковеля.

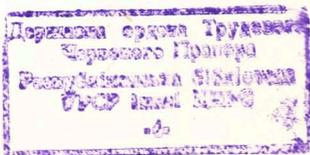
Впечатления, вынесенные им из этой поездки дают очень точную и яркую характеристику его душевного и умственного настроения, которое выявилось в его поэзии и отразилось и в живописи. «На полях Волини и Подолии вы часто любуетесь живописными развалинами древних массивных замков и палат, некогда великолепных, как, например, в Остроге и в Корце... Что же говорят, о чем свидетельствуют эти угрюмые свидетели прошедшего. О деспотизме и рабстве! О холопах и магнатах! Могила или курган на Волини и Подолии — большая редкость. По берегам же Днепра вы не пройдете версты поля, не украшенного высокой могилой, а иногда и десятком могил и не увидите ни одной развалины на пространстве трех губерний... Что же говорят пытливому потомку эти частые темные могилы на берегах Днепра и грандиозные руины дворцов и замков на берегах Днестра? Они говорят о рабстве и свободе. Бедные, малосиль-

ные Вольнь и Подолия! Они охраняли распинателей в неприступных замках и роскошных палатах. А моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украина туго начиняла своим вольным и вражбим трупом неисчислимые огромные курганы... Вот что значит могилы и руины! Не напрасно грустны и унылы наши песни, задумчивые земляки мои! Их сложила свобода, а пела тяжкая одинокая неволя». («Прогулка с удовольствием и не без морали»). Тяжкая неволя вскоре наложила снова свои цепи на художника. Только в течение трех лет довелось ему познать радость свободного труда. Но и эти три года ушли на постепенное освобождение от академических влияний и только уже в ссылке вырабатывает он свои живописные приемы, находит свой собственный стиль.

Однако, основы дальнейшего развития были положены его украинскими работами. Вопреки академическому воспитанию, вопреки заветам Брюллова он становится изобразителем украинской сельской жизни и природы. Зарисовки исторических памятников, которые он делал для Комиссии и которые совпадали с его собственными задачами, служили переходом к пейзажу, а в пейзаже он был свободен от академических заветов. К пейзажу он подходит свободно, изображая природу, какою она представляется его взору, ничего не улучшая и не исправляя действительности. Пейзажи рисуют нам художника тонким и точным наблюдателем над жизнью растений, животных и людей, являющим все задатки, из которых мог бы развиться истинный представитель подлинного реализма. Пейзажи его почти всегда дополнены жанровыми сценами: «Недостаток человека в пейзаже неприятно действует на меня», и он населяет людьми свои картины из жизни природы, и, с другой стороны, жизнь людей

СЕЛЯНСЬКА РОДИНА
Всеукраїнський Історический Музей ім. Т. Шевченко, Київ

дополняет пейзажной декорацией. В его многочисленных жанровых сценах он изображает простую сельскую жизнь с ее радостями и горем. Таковы его «Судня рада», «Старосты», «Кашевары», «Ярмарка» и др.; останавливается он и на отдельных типах: сюда принадлежат изображения бандуриста, косаря, пасечника, нищих. В его сложных композициях, как «Катерина», «Ярмарка», «Еврейская свадьба» еще чувствуется дух Брюллова, его красочная гамма, но постепенно он отходит от этих влияний под давлением непосредственных впечатлений. И в таких пейзажах, как «Терраса Почаевской лавры», «Чигирин», «Чумаки среди могил», где задачами служат простор открытых далей, небо и воздух, эти влияния перестают быть заметны. Исторические композиции его, однако, в противоположность пейзажу, далеко не свободны от последствий академического воспитания и романтики Брюллова. Об этих его произведениях, как «Дары в Чигирині», «Гамалія», «Головатый», «Хмельницкий перед крымским ханом», «Смерть Хмельницкого» и др., написанных зачастую с точным и верным соблюдением бытовых деталей, можно сказать, что он лишь поставил задачу, но не довел ее до окончательного разрешения. Он сумел показать, что сюжетом картины не должны быть обязательно одни греки и римляне и что в родном прошлом открываются широкие творческие возможности для художника. Кроме того, необходимо помнить, что, изображая сцены родной истории, художник стремился оживить в обществе воспоминания о прошлом Украины.

Нельзя, наконец, оставить без внимания и ту область его творчества, от которой, может быть, дошло до нас самое большое количество его произведений, —

а именно его портретные работы. Уже в Петербурге он много работал над портретом, главным образом, из-за заработка. Но, повидимому, портрет интересовал его не только с материальной стороны, так как известно значительное количество его автопортретов. В них выступает на первый план разрешение различных проблем освещения и уже в некоторых из них заметны поиски, которые значительно позже привели его к изучению Рембрандта. Во время своей украинской жизни он написал много портретов своих знакомых, из коих следует отметить портреты кн. Кейкуатовой, кн. Репнина, кн. В. Н. Репниной, Закревских, Кулиша, г-жи Катеринич, Маевской, Бларамберг и др. Некоторые из них написаны маслом, другие — акварелью.

В масляных портретах Шевченко — старательный последователь Брюллова. Его красочная гамма настолько близка к краскам учителя, что некоторые портреты, как, например, портрет Кейкуатовой кажется принадлежащим кисти Брюллова. В акварельных портретах он ближе всего к П. Ф. Соколову, который, по собственному признанию, ему более нравился. Вообще же следует заметить, что уровень акварельных портретных работ был в то время непревзойденно высок, и работы Шевченко не уступают в этом отношении никому из крупных мастеров акварелистов.

Одновременно с большой творческой работой, которую художник вел за этот период своей украинской жизни, он выступает, как активный политический деятель. Осенью 1845 г. произошло его знакомство с Н. И. Костомаровым⁸¹⁾, но ближе они сошлись весной 1846 г. Поэзия Шевченко произвела на Костомарова неизгладимое впечатление. «В другой раз,

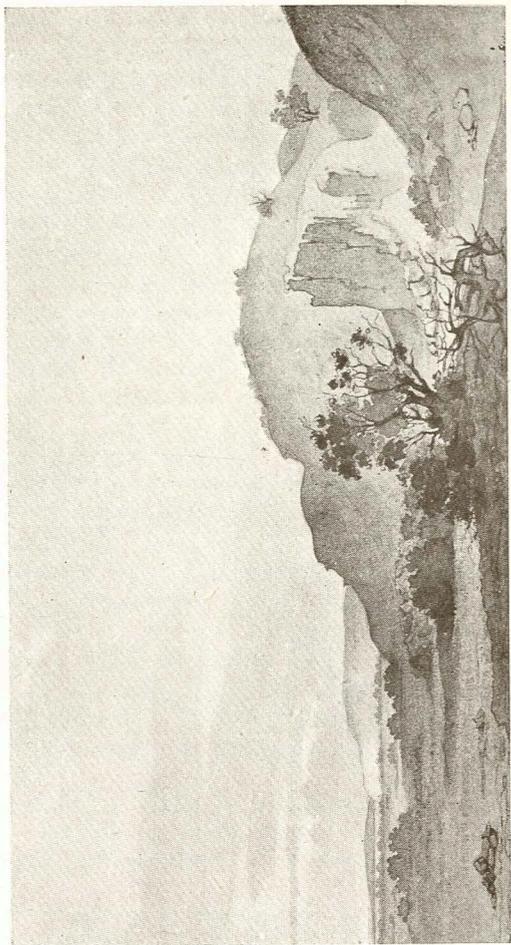
через несколько дней после первого свидания, Шевченко посетил меня снова, и мы сидели в садике... Был очаровательный весенний день, цвели в полном цвету вишни и сливы, расцветать начала сирень... Шевченко принес с собой в кармане несчитую тетрадь своих нигде еще не напечатанных стихотворений, читал их, довел меня до совершенного восторга и оставил свои произведения у меня». (Воспоминания Костомарова).

В другом месте Костомаров так описывает свое впечатление от поэзии Шевченко. «Я увидел, что муза Шевченко раздирала завесу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!!! Тарасова муза прорвала какой-то подземный заклеп, уже несколько веков запертый многими замками, запечатанный многими печатами».

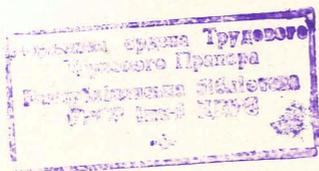
Тогда же вокруг Костомарова складывался кружок, из которого образовалось так называемое Кирилло-Мифодиевское братство. Задачами братства были духовное и политическое объединение славян, с сохранением их самостоятельности и собственного народного правления. Последний пункт устава братства утверждал необходимость существования общего Славянского собора из представителей всех племен. Кроме Устава в братстве были выработаны его «Главные правила», при чем одним из существеннейших пунктов являлось требование «искоренения рабства и всякого унижения низших классов, и, равным образом, повсеместного распространения грамотности». Для более широкой пропаганды идей братства Костомаров написал два воззвания «Братьям украинцам» и «Братьям великороссиянам и полякам». Государственное устройство и управление славянской федерации представлялось членам братства в виде Славянских Соеди-

ненных Штатов, при чем необходимо отметить, что этот план идейно был близок планам декабристского общества соединенных славян. Идейная связь между тайным обществом декабристов и Кирилло-Мефодиевским братством несомненно существовала. Идеология этого типичного для эпохи «заговора идей» основывалась, с одной стороны, на панславизме, более раннее проявление которого находим у декабристов, а с другой — на христианском социализме. Для пропаганды идей братства Костомаров, кроме воззваний, написал еще по-украински «Книгу бытия украинского народа», которая должна была быть распространяема не только в России, но и в других славянских землях.

Едва ли эти произведения могли повлиять на политические воззрения Шевченко. В своих взглядах он шел дальше Костомарова и вел действительно активную агитацию среди народа, о чем существует несколько современных свидетельств. Его ненапечатанные в то время поэмы и стихотворения, как «Сон», «Великий Лях», «Кавказ», и др. говорят о значительно большей радикальности его политических взглядов, чем взгляды членов братства в его целом. Шевченко не только отрицает крепостное право, не только торговлю людьми, но и торговлю землею, которая «дана всем». (Стихотворение «Холодный Яр»). Когда впоследствии на допросе в III отделении его спросили: «Какими случаями доведены вы были до такой наглости, что писали самые дерзкие стихи против государя императора?», он отвечал: «Будучи еще в Петербурге, я слышал везде дерзости и порицания на государя и правительство. Возвратясь в Малороссию, я услышал еще более и хуже между молодыми и степенными людьми; я увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, поссессорами

ГОРИСТЫЙ БЕРЕГ ОСТРОВА НИКОЛАЯ, ОТКРЫТОГО А. И. БУТАКОВЫМ
Весукраинский Исторический Музей им. Т. Шевченко. Киев

и экономами-шляхтичами и все это делалось и делается именем государя и правительства». «Стихийный» социализм Шевченко преследовал, во-первых, раскрепощение и волю, а, во-вторых, — поэт бедноты, поэт обездоленных, — он требовал всеобщего братства, жизни по правдивому, святому закону.

Патриот жил в нем на ряду с революционером и, когда его скорбное сердце проникалось гневом за страдания родины, патриот превращался в революционера.

Идеи христианского социализма вообще были близки его поэзии. Он чувствовал как бы опору в этой части учения Кирилло-Мефодиевского братства и поэтому-то, возможно, он и примкнул к нему*), так как идея славянской федерации была ему близка. «Свобода и братство народов составляли его мечту», говорил о нем Кулиш.

Кирилло-Мефодиевское братство окончательно сложилось в январе 1846 г. В число его членов входили: Пильчиков, Белозерский³²⁾, Навроцкий³³⁾, Гулак³⁴⁾, Маркович и др. По свидетельству одного из «братчиков», Пильчикова, число членов достигало к январю 1847 г. до ста человек. Очевидно, Шевченко вступил в братство весной 1846 г., когда, вернувшись из своих поездок по делам Археологической Комиссии, сблизился с Костомаровым. Осень он снова провёл в разъездах и возвратился только в половине декабря.

25 декабря 1846 г. в квартире Гулака собрались члены братства и беседовали, главным образом, о его будущей деятельности. Эту беседу подслушал некий

---

*) По свидетельству Кулиша ни он, ни Шевченко не были членами братства, так как оба они трудились самостоятельно для тех же целей.

студент Петров, который вскоре после этого познакомился с Гулаком и Навроцким, втерся к ним в доверие и был принят в Общество. Этот Петров и был тем доносчиком, по доносу которого правительство совершило разгром братства. После беседы 25 декабря «братчикам» предстояло раз'ехаться: Кулиш уезжал за границу, Гулак—в Петербург, Белозерский и Пильчиков — в Полтаву. Шевченко собирался к Белозерским, так как на одной из Белозерских женился Кулиш, и художник был приглашен шафером. На свадьбе Кулиша возникло очень важное предложение, осуществлению которого помешала постигшая художника через три месяца катастрофа. Все окружающие его сознавали, что для усовершенствования в живописи ему необходима поездка за границу, но этому мешало отсутствие средств и возможность невыдачи заграничного паспорта. В то время при Киевском университете существовала кафедра рисования, и друзья начали хлопотать об определении его на освободившуюся в ноябре 1846 г. вакансию. Участие в этом деле В. Н. Репниной, родственницы тогдашнего министра народного просвещения гр. Уварова, позволяло надеяться на успех. Получение кафедры открывало возможность и получения казенной заграничной командировки, о которой сам художник страстно мечтал, так как в это время его захватила мысль об учреждении в Киеве Академии художеств. Прошение на занятие кафедры было подано, но во время свадьбы Кулиша результаты были еще неизвестны. Тогда-то молодая жена Кулиша предложила свои средства для отправки художника за границу; для этой цели она думала продать свои фамильные драгоценности и предложить ему пособие «от неизвестного». Кулиш уговорил Шевчен-

ко, хлопоты с паспортом казались преодолимыми и в радостном настроении художник покинул имение Белозерских, отправляясь к знакомым по соседним хуторам. Март он прожил у своего друга Лизогуба, в Седневе; выехав оттуда 2 или 3 апреля, он спешил в Киев, где должна была состояться свадьба Костомарова, на которую он был тоже приглашен шафером. 5 апреля, когда он на пароме переправлялся через Днепр, его арестовали и отвезли к киевскому губернатору. Петров 28 февраля явился сначала к помощнику попечителя учебного округа и рассказал ему о существовании братства, а 3 марта вместе с последним они пришли к попечителю, и Петров письменно подтвердил свой донос, при чем представил и устав общества. Донос был переправлен в Петербург, где арестовали Гулака. Остальные арестованные на Украине члены братства все были отправлены в Петербург, так как шеф жандармов гр. Орлов придавал делу большое значение и производство следствия поручил III отделению под своим личным наблюдением.

Еще до ареста и до отправки доноса гр. Орлову киевские власти поторопились удалить Шевченко со службы в комиссии по разбору древних актов (1 марта 1847 г.), под предлогом, что он без разрешения комиссии уехал из Киева, а 17 апреля он был доставлен в столицу и началось следствие.

«В продолжении всего следствия Тарас Григорьевич был неизменно бодр, казался спокойным и даже веселым. Перед допросом жандармский офицер сказал ему: «Бог милостив, Тарас Григорьевич, вы оправдаетесь и вот тогда-то запоет ваша муза». «Да какой же черт всех нас сюда и занес, как не эта дьявольская муза», — отвечал поэт. После очной ставки 15 мая,

возвращаясь в свою камеру и идя рядом с Костомаровым, Шевченко сказал ему по-украински: «Не журись, Мыколо! Доведеться ще нам у купы жыты». Эти слова его сбывлись, но свиделись они только через 11 лет.

Сидя за решеткой, он видел, как старуха, мать Костомарова, шла навещать сына и под этим впечатлением написал в тюрьме стихотворение, посвятил его Костомарову и когда на пароходе ехал по Волге, возвращаясь из ссылки, через 11 лет, передал стихи матери историка, жившей в то время в Саратове.

Веселе сонечко ховалось
В веселих хмарах весняних;
Гостей закованих своїх
Сердешним чаем напували,
І часових переміняли,
Синемундирих часових.
І до дверей, на ключ замкнутих,
І до решотки на вікні
Привик я трохи, і мені
Не жаль було давно одбутих,
Давно похованих, забутих,
Моїх кровавих, тяжких слъоз...

Следствие было закончено в конце мая, и Орлов доложил Николаю, что «доносы и первые сведения, как всегда бывает, преувеличили важность, и дело оказалось в виде менее опасном». Костомарова и Гулака заключили в крепость, первого на 1 год в Петербурге, второго — на 3 года в Шлиссельбурге; все остальные были освобождены от заключения, наиболее же жестоко пострадавшим оказался художник—поэт, которому, кстати, удалось доказать свою непринадлежность к братству. «Кулиш и Шевченко вовсе не при-

надлежали к обществу, но они виновны по своим собственным отдельным действиям», говорилось в докладе Орлова. Мстительное правительство Николая I не могло простить Шевченко «возмутительных» стихов, где так остро было выражено все его возмущение, вся его ненависть к предкам Николая, задушившим вольность Украины.

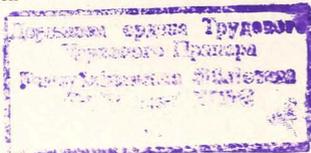
* * *

Доклад гр. Орлова так определял вину Шевченко: «Художника Шевченко, за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус, с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений», 28 мая 1847 г. Николай собственноручно на докладе написал: «Под строжайший присмотр, запретив писать и рисовать». Приговор был прочтен осужденным 30 мая, а 2 июня Шевченко выехал с жандармом из Петербурга в Оренбург, куда и прибыл 9 июня в 11 час. вечера.

С этого времени начинается безотраднейшая пора его жизни, о которой он через 10 лет говорит, что «одно воспоминание о прошедшем и виденном в продолжении этого времени приводит меня в трепет». Через 10 лет в «Дневнике» художник записывает: «Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни нельзя было бы придумать, как сослав меня в Отдельный оренбургский корпус

МАЛЬЧИК КИРГИЗ, ИГРАЮЩИЙ С КОШКОЮ
Черниговский Музей

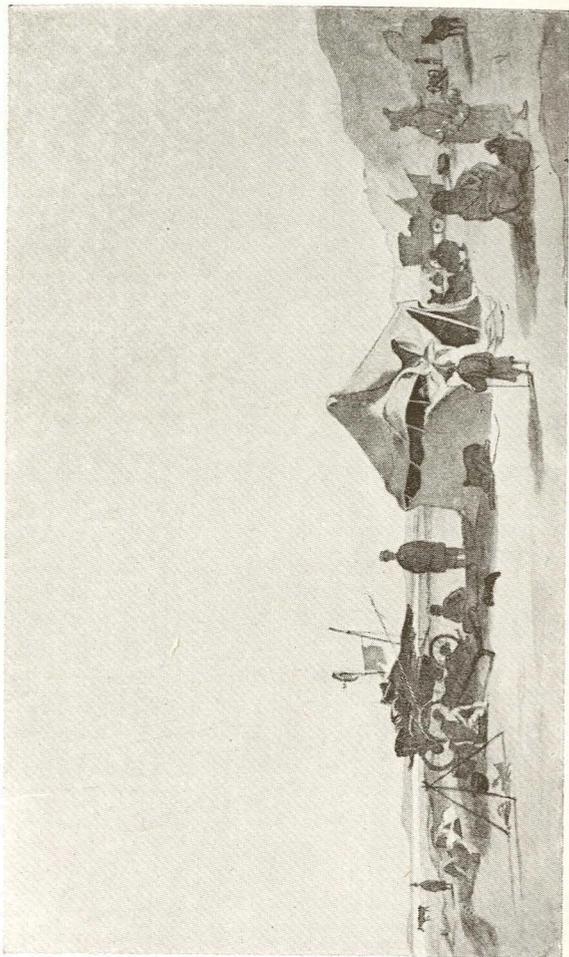
солдатом. Вот где причина моих невыразимых страданий. И ко всему этому мне еще запрещено рисовать. Отнять благороднейшую часть моего бедного существования». Действительно, за что Николай лично запретил рисовать художнику неизвестно. Сам Шевченко объяснял это басней о будто бы найденных у него карикатурах на царя. «Откуда эта нелепая басня — не знаю... Надо думать, что басня эта сплелась на конфирмации, где в заключении приговора сказано: строжайше запретить писать и рисовать. Писать запрещено за возмутительные стихи на малороссийском языке. А рисовать и сам верховный судья не знает, за что запрещено».

В Оренбурге Шевченко встретили находившиеся там на службе его земляки-украинцы: Ф. М. Лазаревский³⁴), Левицкий, Александровский и начали хлопотать о некотором хотя бы облегчении его участи через Матвеева, чиновника особых поручений при начальнике корпуса генерале Обручеве, который распорядился зачислить и отправить художника в 5-й линейный батальон, расположенный в Орской крепости. Благодаря хлопотам земляков, путь до Орска в 265 в. Шевченко проделал на почтовых лошадях. В повести «Близнецы» описаны его впечатления от киргизских степей и Орского укрепления. «Страшная пустыня, окружающая крепость, показалась ему раскрытой могилой, готовой похоронить его заживо... Подъезжая ближе к крепости он думал: поют ли здесь песни... При такой декорации возможно только мертвое молчание, прерываемое тяжелыми вздохами, а не звучащими песнями». Первым живым впечатлением была «толпа клейменных колодников, которая исправляла дорогу для приезда корпусного командира, а ближе к казармам, на площади, маршировали солдаты».

Если таковы были впечатления от унылой природы, то еще более безотрадными они оказались от людей. Один из биографов художника сообщает, что при представлении по начальству «по мере понижения степени военной иерархии приемы делались грубее и, когда очередь дошла до ротного командира, пьяного поручика, тот пригрозил Шевченко розгами, если он будет вести себя дурно. Однако, оренбургские друзья нашли возможность несколько смягчить его участь, а сам он сумел, путем угощения, наладить отношения с офицерами, но, несмотря на это, положение его было невыносимо тяжело. Как рядовой солдат и притом поднадзорный, он должен был жить в казарме и подвергаться всем мукам солдатской николаевской муштры. Успокоение приходило только ночью, но тогда в казарме, пишет он В. Н. Репниной (25 февраля 1848 г.), «начинались рассказы о том, кого били, кого обещали бить... крик, шум, балалайка». И в эти ночные часы муки терзали его душу:

Ще прийдуть думи, розіб'ють
На стократ серце і надію,
І те, що вимовить не вмію...
І все на світі проженуть,
І спинять ніч. Часи літами,
Віками глухо потечуть;
І я кровавими сльозами
Не раз постелю омочу.

Муштра не давалась художнику, к ней он был совершенно неспособен. Он чувствовал себя «бессловесным животным», которого выводят на площадь «на позор и унижение». «Трудно, тяжело, невозможно заглушить в себе всякое человеческое достоинство, стать на вытяжку, слушать команду и двигаться, как

ДНЕВКА ТРАНСПОРТА В КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ
Всеукраинский Исторический Музей им. Т. Шевченко, Киев

Державні архіви Туркестанської області
Червоноградський Історико-краєзнавчий музей
ВРСР

бездушная машина...». Об окружающем обществе говорит, конечно, нечего. В одном из писем В. Н. Репниной художник пишет: «Меня все они (офицеры) приглашают, как товарища; вообразите мою муку, — здесь хуже казармы и эти люди, да простит им бог, с большой претензией на образованность и знание приличий, потому только, что присланы из Западной России. Боже мой! Неужели и мне суждено сделаться таким же. Страшно!..». Чтения не было никакого... «Вот уже более полугода», пишет он Репниной, «я никакого понятия не имею о нашей бедной современной литературе. Я просил бы вас, добрая Варвара Николаевна, пришлите мне последние сочинения Гоголя и, если можно, — Чтения московского археологического общества». Но самым тяжелым было запрещение рисовать, а, между тем, окружающая жизнь начинает интересовать его, бухарцы и киргизы кажутся ему «оригинальными».

В письме В. Н. Репниной он, вскоре после приезда в Орск, пишет: «Киргизы такие живописные, такие оригинальные и чистосердечные, что сами просятся на карандаш, и я схожу с ума, глядя на них... Смотреть и не сметь рисовать — это такая мука, которую поймет только настоящий художник».

В таком душевном состоянии протекают дни жизни Шевченко в Орске в 1847 и 48 гг. Он болеет ревматизмом и цынгой и доходит почти до полного изнеможения. Но уже с начала 1848 г. положение начинает несколько улучшаться: он получает первые письма от друзей, от В. Н. Репниной и Лизогуба, который, кроме того, присылает ящик с красками, а Репнина книги. В Оренбург приезжает капитан-лейтенант Бутаков³⁵⁾ организовать экспедицию для описания Аральского моря и, надо полагать, по просьбе орен-

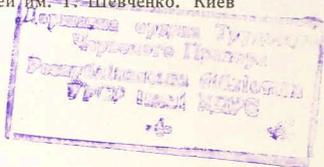
бургских друзей, берет с собой художника, который был ему нужен для снятия видов. 11 мая 1848 г. экспедиция в составе 2 рот солдат, 2 сотен казаков, 6.000 киргизов, 300 повозок и 1.000 верблюдов выступает в поход. По прибытии в Раимское укрепление были снаряжены две шхуны, на которых исследователи отправились плавать по Аральскому морю. Все это время Шевченко, помещаясь вместе с офицерами в каюте одной из шхун, занимался срисовыванием берегов. После двухмесячного плавания экспедиция зазимовала в укреплении Кос-Арал, местности пустынной и тоскливой. Во время зимовки Шевченко мучило отсутствие вестей с родины и писем от друзей: почта приходила сюда раз в полгода. Однако же, любовь к Украине поддерживала в нем бодрость: «Скверно, очень тяжело погибать здесь в пустыне, но еще хуже на Украине смотреть, плакать и молчать...».

Наступила весна 1849 г. Эскадра Бутакова пустилась во вторичное плавание, но еще до его окончания Бутаков писал командиру 23 дивизии: «В команде вверенных мне судов находятся унтер-офицер Фома Вернер и рядовой Тарас Шевченко... Оба они будут мне необходимы по возвращении в Оренбург. Вернер для составления геологического описания берегов, а Шевченко — для окончательной отделки живописных видов». Поэтому Бутаков просил отправить в Оренбург вместе с ним Вернера и Шевченко.

По прибытии в Оренбург Шевченко был очень сердечно принят земляками и жившими там изгнанниками-поляками (Залесский, Сераковский⁸⁰ и др.), которые «считали за честь принимать у себя поэта-страдальца». Шевченко поселился в доме капитана Герна, высокообразованного и благородного человека, предоставившего в распоряжение художника целый

АВТОПОРТРЕТ С ДЕТЬМИ—КИРГИЗАМИ
Всеукраинский Исторический Музей им. Т. Шевченко. Киев

флигель. Тут его материальная и нравственная жизнь потекла неизмеримо лучше: возобновилась переписка с друзьями и началась усиленная работа по приведению в порядок зарисованных видов, для скорейшего окончания которой в помощь ему был прикомандирован его друг, Бронислав Залесский, умевший хорошо рисовать.

После блестяще сданного отчета об экспедиции, по просьбе ген. Обручева, начальник края Перовский возбудил в Петербурге ходатайство о производстве Шевченко в унтер-офицеры и о разрешении ему рисовать. Но на это последовал отказ. Все дальнейшие ходатайства имели одинаковые результаты, которые, конечно, не могли не отражаться угнетающим образом на состоянии художника, тем более, что весной ему предстояло снова возвращаться на берега Аральского моря. Благодаря хлопотам друзей Обручев, однако, отменил это распоряжение, и Шевченко вместе с Вернером должен был отправиться в Ново-Петровское укрепление для исследования открытого в горах Кара-Тау каменного угля. Но в Новопетровск можно было уехать лишь с началом навигации, и Шевченко предстояло еще 3 месяца прожить в Оренбурге, где жилось ему довольно сносно. Ф. М. Лазаревский рассказывает, что художник ходил в штатском платье, военной службы не нес, писал и рисовал. Случалось, что по несколько дней он не заглядывал к себе на квартиру, проводя время или в польском кружке, или у Лазаревского.

В это время снова начали загораться надежды на смягчение приговора. Один из оренбургских друзей художника, Сергей Левицкий, отправился в Петербург и должен был путем многочисленных связей добиваться облегчения его участи, но и этим надеждам не

суждено было осуществиться. Совершенно неожиданно случилось событие, чрезвычайно ухудшившее положение художника. Некий прапорщик Исаев подал ген. Обручеву донос, что Шевченко, вопреки «высочайшему повелению», пишет стихи, рисует портреты и ходит в штатском платье.

У художника произвели обыск, после чего он был арестован. Как ни ничтожны были результаты обыска, Обручев распорядился отправить Шевченко в Орск «по этапу под строжайшим караулом, назначая от станции до станции одного унтер-офицера и не менее 3-х рядовых». Все отобранные во время обыска бумаги и письма были отправлены в Петербург; о «деле» Обручев распорядился уведомить шефа жандармов, военного министра и даже государственного канцлера, несмотря на то, что все послабления в оренбургской жизни художника проводились с ведома Обручева: он даже рисовал портрет его жены. Из Петербурга последовало распоряжение Николая «Шевченко подвергнуть строжайшему аресту и содержать под оным до исследования о виновности допустивших его вести переписку и заниматься рисованием». Конечно, если бы Обручев не скрыл своего участия в «деле», в Петербурге, может быть, посмотрели бы мягче на виновность художника, так как после произведенного следствия шеф жандармов писал, что «рядовой Шевченко виновен в том, что дозволил себе писать и рисовать, и ходил иногда в партикулярном платье. Стихи и рисунки, помещенные в отобранных у него альбомах, не заключают в себе ничего преступного... бумаги эти не обнаруживают, чтобы Шевченко продолжал прежний образ мыслей или писал и рисовал на кого пасквили». Поэтому в Петербурге считали достаточным вменить ему «в наказание содержание под арестом, вну-

шив ему, чтобы он ни под каким видом не осмеливался нарушать высочайшего воспрещения писать и рисовать, за исполнением чего и вообще за Шевченко иметь самое бдительное наблюдение». Однако, провинциальные власти начали новое следствие о ношении штатского платья, в результате чего художник, после ареста, просидел более полугодом в Оренбургской, Орской и Уральской тюрьмах и, наконец, в октябре 1850 г. был привезен для продолжения ссылки в Новопетровское укрепление, заброшенное поселение на Мангишлакском полуострове, на берегу Каспийского моря.

Если первые три года ссылки были тяжелы для художника, то теперь в Новопетровском укреплении его ожидала не только «незамкнутая тюрьма», но живая, пустынная могила.

В первые годы жизни его в Новопетровске ему не было оказываемо ни малейшего послабления. С начала 1850 г. до июля 1851 г. он никому не мог написать ни одного письма — для жизни он перестал существовать. Была лишь казарма, муштра и придирки. Капитан Косарев, впоследствии начальник роты, в которой служил художник, так рассказывает в своих воспоминаниях об этой поре его жизни: «Ни малейшего снисхождения Потапов (первый ротный командир Шевченко) ни в чем не делал Шевченко, но донимал он его не этим. Мелочными и вовсе ненужными придилками донимал он Шевченко, точно будто издевался над человеком и без того уже терпящим. «Дядька», конечно, всеми силами следил за поэтом, досматривая, чтобы у него не было ни карандаша, ни чернил, ни бумаги, чтобы он ничего не писал, не рисовал. В казарме он глаз не сводил с своего узника, когда же Шевченко выходил из казармы на ученье,

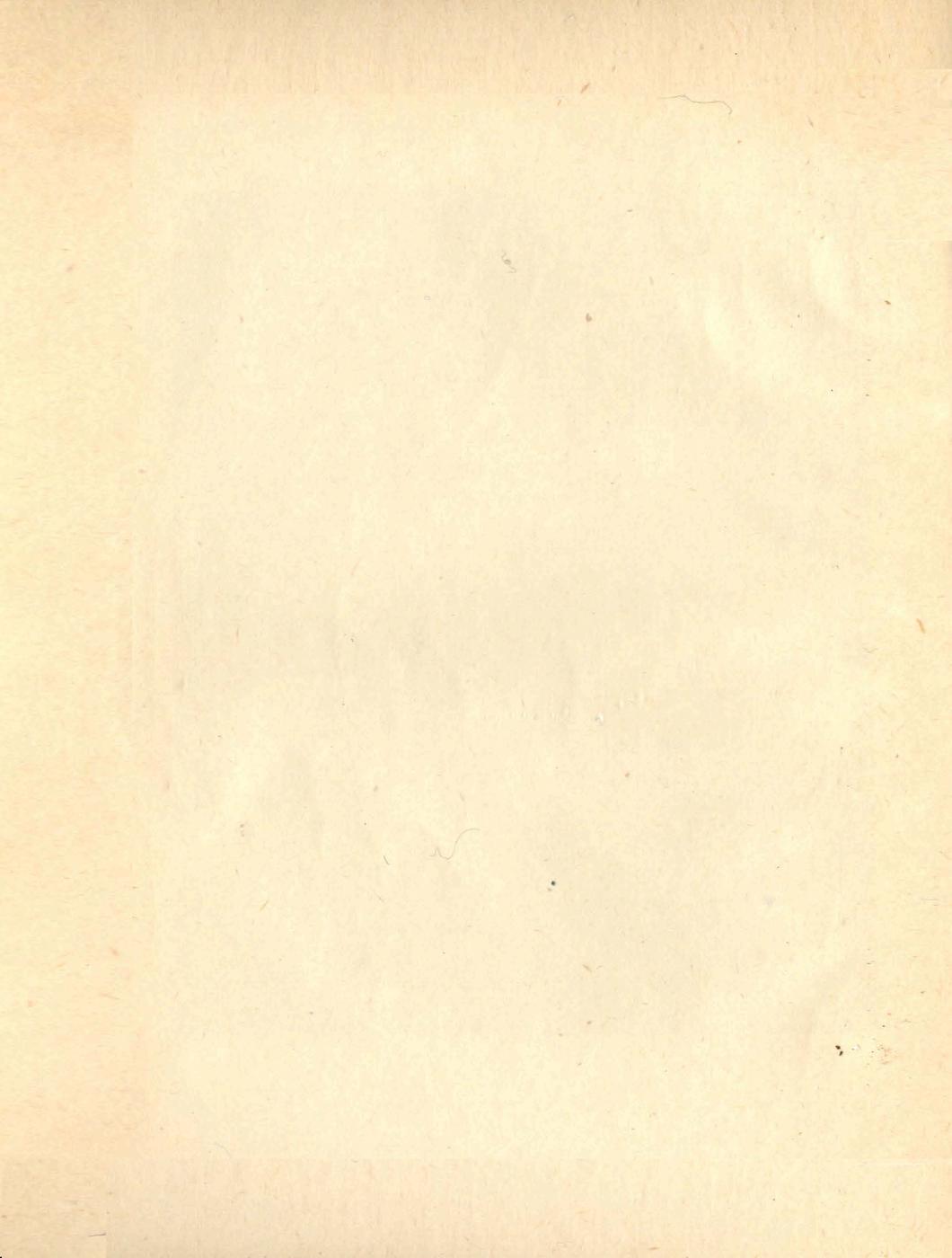
или по другим служебным обязанностям, или просто подышать на открытом воздухе, его осматривали — нет ли при нем в сапогах, в карманах и т. п. каких-нибудь письменных или рисовальных принадлежностей». Неизгладимое впечатление оставила эта жизнь на душе художника. Прожив семь лет в этом аду, он так описывает свои переживания: «С трепетным замиранием сердца я всегда фабрировал усы, облачался в броню и являлся перед хмельно-багровое лицо отца-командира сдать экзамен в пунктах, ружейных приемах и в заключение выслушать глупейшее и длинейшее наставление о том, как должен вести себя браваый солдат... Смешно. Потому смешно, что я освоился с этим отвратительным спектаклем. Но каково было прежде, когда я не умел и должен был похоронить в самом себе всякое человеческое чувство, сделаться бездушным автоматом и слушать молча, не краснея и не бледнея, слушать нравственное назидание от грабителя и кровопийцы. Нет, тогда это не было смешно. Гнусно! Отвратительно! Дождусь ли я тех блаженных дней, когда из памяти моей испарится это нравственное безобразие».

В эти ужасные годы он ни с кем не переписывался и ни от кого не получал писем, даже от ближайших своих друзей, от В. Н. Репниной и Лизогуба. «Ближние мои далече мене сташа», думал он о них, но это было не так. Репнина еще в 1848 г. писала своему родственнику гр. Орлову о смягчении участи Шевченко. Когда же в бумагах, отобранных у него при обыске, нашлись ее письма, Орлов ответил ей строжайшим внушением: «Переписка ваша с Шевченко, как равно и то, что ваше сиятельство еще прежде обращались ко мне с ходатайством об облегчении участи помянутому рядовому, доказывает, что вы принимали

ДАЛИСМЕН—МУЛА—АУЛЫЕ
Черниговский Музей

Черниговский музей
Черниговского Цирка
Департамент культуры
1970 г. 10.10.70

в нем участие, не приличное по его порочным и развратным свойствам». Далее Орлов предостерегает Репнину «на будущее время меньше вмешиваться в дела Малороссии, в противном случае княжна будет причиной неприятных для нее последствий». Такое же предупреждение было сделано и Лизогубу.

Окружающее общество в Новопетровске было безотраднo. За первые два, три года у него не было не только ни одного товарища, но даже просто хорошего знакомого. Только впоследствии сходитсЯ он с простым госпитальным сторожем, своим земляком Андрием Обеременкой, о котором пишет в «Дневнике»: «Если мелькали светлые минуты в моем темном, долголетнем заключении, то этими сладкими минутами я обязан моему простому благородному другу Андрею Обеременко». Какие люди окружали его в этом «забытом богом» форту и как они проводили время, видно из записей в его «Дневнике»: «Офицеры сегодня получили жалованье и сегодня же отнесли его Попову (маркитанту) и спиртомеру (целовальнику), а остальное тоже отослали к спиртомеру и начали кутить или вернее пьянствовать. Завтра выдадут жалованье солдатам и солдаты тоже начнут кутить, т.е. пьянствовать. И это продлится несколько дней сряду. И кончится как солдатская, так и офицерская попойка дракой и, наконец, курятником, т.е. гауптвахтой». «Солдаты — самое бедное, самое жалкое сословие в нашем православном отечестве. У него отнято все, чем только жизнь красна: семейство, родина, свобода, одним словом — все. Ему простительно окунуть свою сирую, одинокую душу в полштофа сивухи. Но офицеры, которым отдано все, все человеческое право и привилегии! Чем же они рознятся от бедняка солдата? Ничем они, бедные, не рознятся, кроме мундира.»

В таких условиях и среди таких людей протекала жизнь Шевченко первые три года в Новопетровске. Некоторое облегчение последовало в июле 1852 г. Вместо ген. Обручева начальником края стал В. А. Перовский⁸⁷), а ближайшего начальника Шевченко, жестокого капитана Потапова, перевели в Уфу; на его же место был назначен капитан Косарев, хотя и фронтовик и формалист, но все же, по сравнению с Потаповым «ангел доброты». Комендант форта Маевский решил, что возможно несколько ослабить строгости и разрешил художнику переписку с друзьями.

В конце 1852 г. Маевский умер, а новый комендант И. А. Усков, по всей вероятности, получил какие-то инструкции от Перовского относительно Шевченко, и со времени его назначения жизнь художника потекла в сравнительно лучших условиях. Усков предложил офицерам не обременять его напрасной муштрой, не требовать от него невозможной выправки, к которой он был совершенно не способен и не посылать его на тяжелые работы. Шевченко сблизился с семьей коменданта, его женой и маленькими детьми, которых он полюбил. Когда маленький сын Ускова умер, он писал: «Это было милое, прекрасное дитя, я полюбил его, а оно бедное так привязалось ко мне, что, бывало, во сне зовет к себе лысого дядю. И что же? бедное захворало и умерло. Мне жаль моего маленького друга. Я тоскую по нем; иногда приношу цветы на его очень раннюю могилу и плачу».

К этому времени относятся занятия художника скульптурой. В окрестностях форта он нашел хорошую глину и начал первые опыты. Сначала начальство не знало, как к этому отнестись, но Усков решил, что то, что «не запрещено, то дозволено», и художник начал работать. Из переписки его с друзьями, по воспомин-

нениям Косарева известно, что он лепил группу из быта киргизов, Ионна Крестителя, поругание Христа и др. Возможность работать, правда, в известной ему области, доставила ему большое облегчение. К сожалению, работы эти до нас не дошли.

Другим занятием его было разведение сада около форта, лишенного всякой растительности; осенью 1853 г. под его руководством был разбит большой сад на том месте, где он при своем приезде в Новопетровск вбил привезенный с собой вербовый кол, который принялся и за три года превратился в значительное дерево. В новоустроенном саду была построена беседка для коменданта и вырыта небольшая землянка, где художнику было разрешено жить по летам и где он мог и писать и рисовать. Здесь, между прочим, были написаны им по-русски все его повести. По поводу же рисования Ускову очень хотелось получить официальное разрешение, и он посоветовал художнику подать просьбу о позволении написать за престольный образ для церкви в Новопетровске. Но на это последовал отказ, так придавивший художника, что он «потерял всякую надежду хоть на какое-нибудь улучшение своей горькой участи». Спустя два месяца после этого случая он писал Залесскому: «Грустно, очень грустно. При таких неудачах и величайший поэт откажется от всякой надежды на лучшую долю, а мне, бесталанному, и давно можно закрыть глаза на лучшее будущее».

Некоторое оживление в жизнь его внес приезд в Новопетровск экспедиции академика Бера³⁸), вместе с которой приехал молодой ученый украинец Данилевский³⁹), произведший на Шевченко глубокое впечатление. «Он своим присутствием оживил во мне, одином, давно прожитые прекрасные дни», писал

художник Залесскому, «жаль только, что он ученый, а то был бы настоящий поэт; проводивши его я чуть с ума не сошел... в первый раз в жизни моей я испытываю такое страшное чувство; никогда одиночество не казалось мне таким мрачным, как теперь».

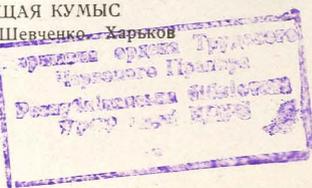
Несколько позже эти мрачные его настроения рассеиваются под влиянием чувства, возникшего у него к жене коменданта А. Е. Усковой. «Она», пишет он Залесскому в 1854 г. «прекрасная женщина, для меня она истинная благодать божия. Это одно единственное существо, с которым я увлекаюсь иногда даже до поэзии. Следовательно, я более или менее счастлив; можно сказать я совершенно счастлив, да и может ли быть иначе в присутствии высоконравственной и физически прекрасной женщины». Через несколько месяцев он признается тому же другу, что «полюбил ее возвышенно, чисто, всем сердцем, всю благородною душой». «Не допускай, друг мой, и тени чего-либо порочного в непорочной любви моей!.. Если бы не это единственное существо, близкое моему сердцу, я не знал бы, что с собой делать».

Но и этим его чувствам пришлось потерпеть крушение. Через год он пишет Залесскому: «Моя нравственная, моя единственная опора и та пошатнулась. Картежница! Или это мне так кажется, или оно и в самом деле так». Охлаждение и разочарование протекали медленно. Остатки чувства еще проявлялись в 1856 г., и эти вспышки художник гушил вином. Какая-то глубокая, невидимая драма кроется в пьянстве его в это время его жизни в Новопетровском форту.

Однако, несмотря на это, отношения его с семьей Усковых сохранились до самого его выезда из Новопетровска. В «Дневнике» почти перед отъездом он

КИРГИЗКА, СБИВАЮЩАЯ КУМЫС
Центральный Музей им. Т. Шевченко - Харьков

записывает: «Все свободное время я провожу в семействе Усковых. Это единственное мое утешение и отдых в этом глухом и отвратительном закоулке-форту».

Если первые годы жизни его в Новопетровске совершенно беспросветны и отягощены казармой, муштрой, издевательством и полной приниженностью, то последние, вплоть до отъезда, наполнены постоянными взлетами надежд и тотчас же следующих разочарований. Осенью 1854 г., после приезда ревизовавшего форт ген. Фреймана, видевшего его рисунки и взявшего один из них себе на память, художник жил надеждой на производство в унтер-офицеры, которое хоть немного, но все же улучшило бы его положение. Но на представление Фреймана последовал отказ. Много переживший и испытывший многое художник так потрясен этим, что пишет Залесскому: «За восемь лет, кажется, можно было приучить себя ко всем неудачам и несчастиям. Ничего не бывало! Настоящее горе так потрясло страшно меня, что я едва владею собой; до сих пор не могу притти в себя». Вскоре после этого следует новое, совершенно неожиданное пробуждение надежд: 18 февраля 1855 г. умирает «неудобозабываемый тормоз» — Николай I, но манифест Александра II не коснулся Шевченко и снова тяжелое разочарование. Все его письма этого времени полны отчаянной скорби и горьких жалоб на насмешки судьбы.

Однако, действительные надежды на улучшение его участи получают в это время реальную основу. Жена президента Академии художеств, художника Ф. П. Толстого ⁴⁰⁾, А. И. Толстая, деятельно принимается за хлопоты. Участие в них принимает его друг, Сигизмунд Сераковский, которому как и другому ссыльному поляку, Бр. Залесскому, дана свобода. Лично незнакомая с Шевченко Толстая вступает с ним в пе-

реписку, ободряет его, указывая на возможность лучшего будущего. В «Воспоминаниях дочери Толстых, Е. Ф. Юнге, рассказывается, что «в зиму 1855—56 гг. в семье нашей чувствовалось большое возбуждение. Отец ездил к министру двора, к великой княгине Марии Николаевне⁴¹⁾, стараясь выхлопотать прощение Шевченко, который, как говорили тогда, был вычеркнут государем из списка политических преступников, помилованных по случаю восшествия на престол. Граф получал везде отказ. Тогда он решился подать прошение ко дню коронации».

Но и коронационный манифест не коснулся художника. Отчаянная его безнадежность, однако, вскоре рассеивается письмом Толстой, которая уведомила его, что хлопоты продолжают, и он пишет ей: «Сестра моя! Чем я отблагодарю, чем заплачу за радость, за счастье, которые ты послала скорбящей душе моей! Слезы безграничной благодарности приношу твоему благородному сердцу! Радуйся, моя заступница! Ты освободила мою душу от бездны отчаяния». И вот, наконец, в письме Лазаревского от 2 мая 1857 г. доходит до него долгожданная весть об освобождении. Письмо это он получил ровно через месяц, но действительное освобождение от «казармы смердючої» осуществилось значительно позже.

Распоряжение об освобождении пошло «по инстанциям», от шефа жандармов и до командира 2 роты 1 линейного батальона Оренбургского отдельного корпуса, т.-е. должно было пройти на протяжении 3.000 верст восемь канцелярий. А Шевченко все это время должен был оставаться «рядовым» и исправлять все служебные обязанности. «Как быстро и горячо исполняется приказание арестовать», записывает он в «Дневнике», «так, напротив вяло и холодно

исполняется приказание освободить... В 1847 г. в этом же месяце меня на седьмые сутки доставили из Петербурга в Оренбург. А теперь, дай бог на седьмой месяц получить от какого-нибудь батальонного командира приказание отобрать от меня казенные вещи и прекратить содержание. Форма. Но я не возьму себе в толк этой бесчеловечной формы».

Ближайшее начальство, узнав, однако, что приказ об освобождении находится в пути, разрешило ему проводить все свободное время в саду, в его землянке, и значительно ослабило наблюдение. «Я и за это им сердечно благодарен», заносит он в свой «Дневник». Вот в это-то время он и начал свои повседневные записи, в которых, как в зеркале, отражается каждый день его жизни, начиная с 12 июня 1857 г. и кончая 13 мая 1858 г.

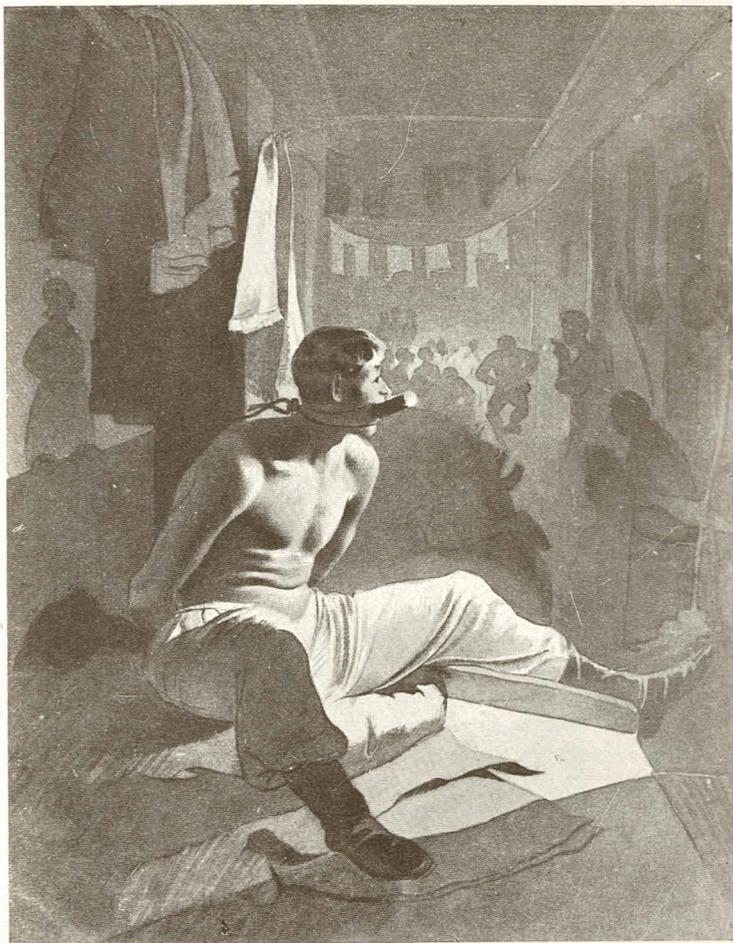
На протяжении почти года художник беседовал сам с собой, «не мудрствуя лукаво, регистрируя события и факты своей монотонной, однообразной жизни, иногда удаляясь мыслями в прошлое или размышляя по различным поводам» (Предисловие И. Айзенштока к «Дневнику»).

Обращаясь к «Дневнику» мы узнаем, как томительно долго текли его дни до получения приказа, какие еще неожиданные гнусности выростали перед ним в последние месяцы его пребывания в форту, в роде приезда майора Львова, батальонного командира, или истории с поручиком Кампиони, перед которым пришлось ему унижаться и угощать водкой пьяную офицерскую компанию и, наконец, с беспощадной правдивостью обрисовывается мерзкая, пошлая жизнь «маленького гарнизона» с ее беспробудным пьянством и угнетением человеческой личности.

Н. И. Костомаров рассказывает, что под «красную шапку» Шевченко взяли веселым, бодрым, с крепким здоровьем, с густыми, русыми волосами на голове. Из-под «красной шапки» он вернулся с седой бородою, с совершенно лысой головою и с разбитым навсегда здоровьем».

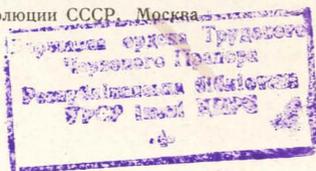
Однако, терзания не сломили свободолюбивого духа художника-поэта. «Все это неисповедимое горе, все роды унижения и поругания прошли, как будто не касаясь меня... Опыт, говорят, есть лучший наш учитель. Но горький опыт прошел мимо меня невидимкою. Мне кажется, что я точно тот же, что был и десять лет тому назад. Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась». Первые страницы его «Дневника» посвящены не только описанию монотонных дней гарнизонной жизни, но воспоминаниям о счастливых днях прошлого, которое постоянно снится ему во сне, и мечтам о будущей жизни, рисующейся ему в таких чертах: «Материальное свое существование я предполагаю устроить так, разумеется, с помощью друзей моих. О живописи мне теперь и думать нечего. Это было бы похоже на веру, что на вербе вырастут груши. Я и прежде не был даже и посредственным живописцем, а теперь и подавно. Десять лет неупражнения в состоянии сделать и из великого виртуоза самого обыкновенного, кабашного балалаешника. Следовательно, о живописи мне и думать нечего. А я думаю посвятить себя безраздельно гравюре аква-тинта. Для этого я полагаю ограничить свое материальное существование до крайней возможности и упорно заняться этим искусством».

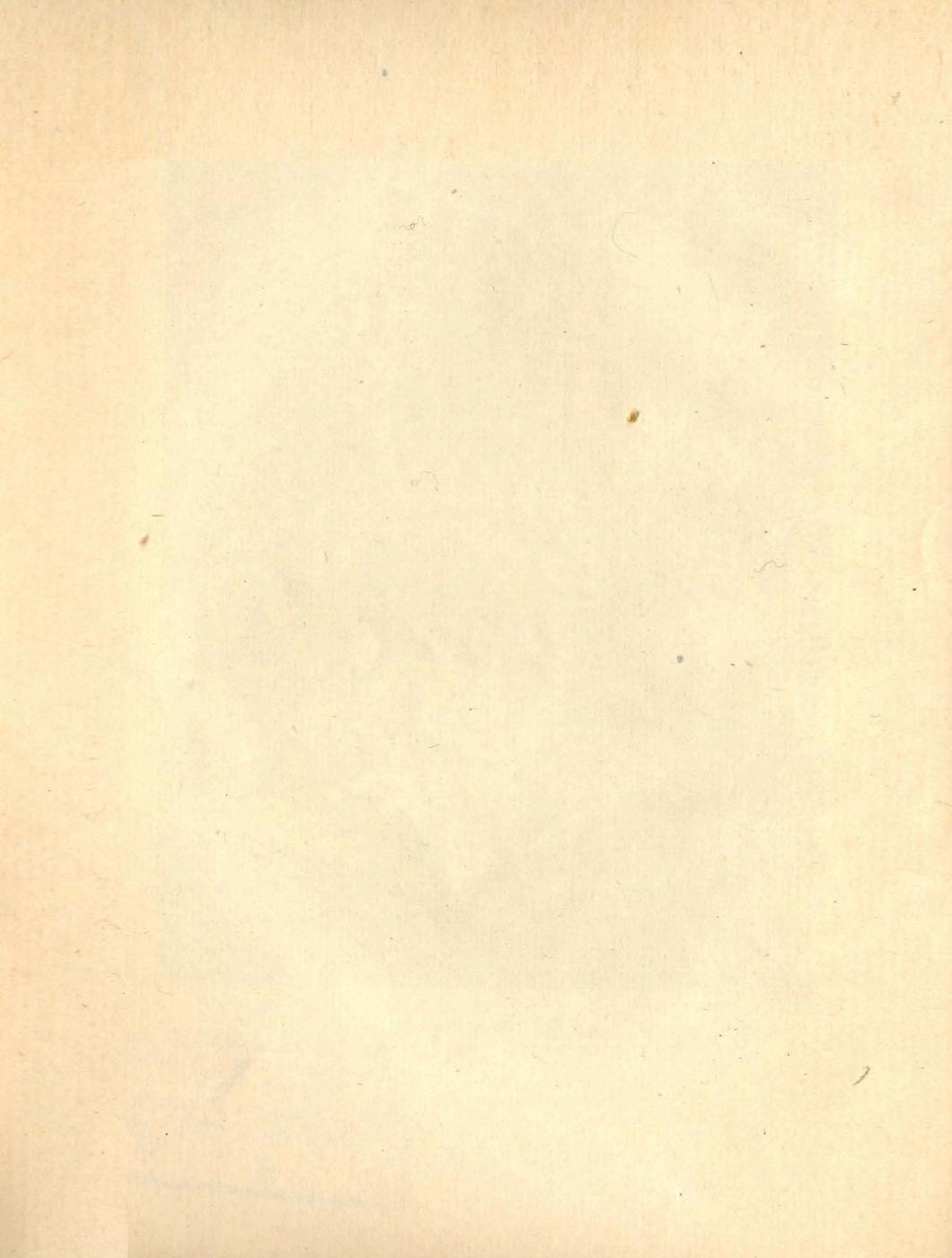
Искусства для немногих Шевченко не признавал. Художник для него являлся «носителем света истины» и должен был быть «полезным людям». Отсюда

ПЕРЕД НАКАЗАНИЕМ

(Из притчи о „Блудном сыне“). Музей Революции СССР, Москва

и его стремление к занятиям гравюрой. «Быть хорошим гравером, значит быть распространителем прекрасного и поучительного в обществе. Значит быть полезным людям... Прекраснейшее, благороднейшее призвание гравера. Сколько изящнейших произведений, доступных только богачам, коптилось бы в мрачных галереях без твоего чудотворного резца».

Позднее, возвратившись в Петербург, художник упорным и настойчивым трудом осуществил эту, еще с давних пор лелеянную мечту, но здесь в Новопетровске, беседуя сам с собой о будущем, он неправ, говоря, что десять лет неупражнения в живописи уничтожили в нем живописца. Как раз в эти десять ужасных лет было создано самое замечательное из его художественного наследства — серия картин, иллюстрирующих историю блудного сына, а также лучшие его пейзажи. «Я думаю современем выпустить в свет, в гравюре аква-тинта, и собственное чадо, притчу о блудном сыне, приноровленную к современным нравам купеческого сословия. Я разделил эту поучительную притчу на двенадцать рисунков; они уже почти все сделаны на бумаге». В этом месте рукописи «Дневника» рукой его друга М. Лазаревского существует приписка: «Эти рисунки у меня, но их всего 6 или 7». До нас дошло 9 рисунков, при чем два из них на одну и ту же тему. Конечно, художнику едва ли бы удалось с такой остротой и с такой резкой правдивостью передать свою притчу, если бы он сам не видел всех тех ужасов, которые позже были описаны Достоевским в «Записках из Мертвого Дома», и, недаром, на первых страницах «Дневника» существует такая запись: «В продолжение этих десяти лет я видел даром то, что не всякому и за деньги удается видеть».

Художник предполагал своею притчею нарисовать «сатиру» на грубые нравы купечества, сближая ее с Гоголевским «Ревизором», «Свои люди сочтемся» Островского⁴²⁾, или «Женихом» Федотова⁴³⁾. Но наиболее близким автором является в данном случае англичанин Гогарт⁴⁴⁾, альбомы которого имелись у Шевченко, и уж во всяком случае не Федотов. Живопись Федотова с ее несколько сентиментальным характером юмористически мягко затрогивает обыденные пороки и мелкую пошлость современных ему нравов средних слоев городского населения, но таких тайных глубин жизни, таких страшных моментов, какими было полно николаевское время, в русской живописи ни до Шевченко, ни после него никто не касался.

Первые сцены «Блудного сына» изображают его падение. Он пьянствует, играет в карты, кается на могиле отца, сходится с разбойниками и делит с ними добычу. В шестой сцене он сидит в роте, закованный в колодки, а в глубине — тени людей, обитателей «смердячої казармы». Сцена седьмая — наказание шпицрутенами. Художник взял момент приготовления. Раздевается наказуемый, стоит ведро, где мокнут прутья, сбоку выстроилась рота и сейчас пойдет хлестать «зеленая улица». Восьмая сцена изображает блудного сына после наказания: он сидит прикованный цепью к другому, такому же несчастному, в той же казарме, задумавшись над своей участью.

Если первые сцены «притчи» носят несколько сентиментально-романтический характер в эпизодах с разбойниками и в кающемся на могиле отца «блудном сыне», то главная сила не в них, а в последующих эпизодах, где с таким реализмом изображена на фоне николаевской казармы близкая сердцу художника трагедия «обездоленного», в данном случае купече-

ского сына, с которого уже стерто его происхождение и который в этот момент является только несчастным обитателем «смердячей» казармы. Эти сцены — жестокая правда о николаевском времени.

Таким же реалистом является нам Шевченко и в своих довольно многочисленных жанровых сепиях и акварелях из быта киргизов. Зброшенный в ссылку, он забыл про все академические заветы и писал то, что давал ему окружающая жизнь. Его жанры изображают обитателей пустыни: они поят верблюдов, гарцуют на конях, готовят пищу, играют на нехитрых музыкальных инструментах. Но бесспорно самым завершенным моментом его творчества являются его пейзажи. В передаче чужой природы художник нашел самого себя, свою манеру и свой собственный стиль. Он пишет памятники киргизской и туркменской старины, киргизские кладбища и святыни, виды степей и пустынь, которые по своему обыкновению, оживляет фигурами верблюдов, лошадей, птиц и людей. В этой неприятной стране, в песках, у тоскливого моря со скалистыми берегами все было ему чуждо и, вместе с тем, эта необычайность красок и освещения заставили его изменить все сложившиеся ранее представления о свете, тенях и красочных сочетаниях. Его пейзажи, писанные большей частью акварелью, проникнутые меланхолической грустью, совершенно особенно освещены, фигуры всегда поставлены против освещения и выполнены темным силуэтом, тогда как вся остальная поверхность пейзажа залита светом. В этих его работах он самостоятелен и не может быть смешан с другими мастерами.

Обаяние личности Брюллова не помешало Шевченко еще в Академии наблюдать природу и помнить родину. Первая картина, правда еще далекая по своей

передаче от подлинной действительности, трактует народную тему, преломленную в его поэзии. Впечатления детства жили в нем настолько сильно, что их трудно было сломить и уничтожить. Поездки на Украину побуждали его к дальнейшим шагам на этом пути. К этому же времени относятся его первые увлечения Рембрандтом.

Уже его ранние автопортреты, с их попытками решения световых задач, служат доказательством его самостоятельных поисков. То же самое подтверждается офортами к «Живописной Украине» и рассказами современника об его увлечения световыми эффектами в киевских пещерах.

Работы для Археографической комиссии, протекавшие над зарисовками памятников древности в окружении столь любимой им украинской природы, помогли ему окончательно освободиться от Брюлловских влияний. Его тематика переходит от мифологии к изображению родного народа и здесь, задолго до передвижников, намечаются впервые настоящие народные типы и настоящие народные сцены, не подслащенные тем фальшивым сентиментализмом, который так часто встречается в произведениях художников того времени.

С изменением тематики начинает изменяться и живопись. Задачи передачи света, воздуха и пространства заметно обогащают его украинские акварели. Оживляя пейзажи фигурами людей или животных, он преследует, по собственному признанию, скорее поэтические цели, но в данном случае поэзия помогает его живописи. Пространственные отношения разрешаются такой попыткой «населения» природы. Здесь его путь поэта скрещивается, помимо тематики, с его путем живописца.

Ссылка надолго прерывает его живописное развитие. Однако, при первой возможности работать во время экспедиции Бутакова, он возвращается к прежним поискам, достигая среди чужой природы и чужого народа еще большего совершенства. В то же время его наблюдения обогащаются всем виденным и пережитым. Тогда-то начинает складываться и получает свое разрешение попытка передать подлинную жизненную трагедию николаевской эпохи, пережитую им самим. Он облакает ее в форму «Притчи о блудном сыне», отдавая этой формой дань времени, а, может быть, предполагая, что под этим видом она не встретит возражений, имея в виду ее широкое распространение в гравюре. Он скромно называет свою «Притчу» сатирой над нравами купеческого общества, но она звучит грозным социальным протестом, до которого не поднимался ни один художник его времени. В своем «Блудном сыне» Шевченко показал ужасы николаевской казармы, забитых солдат, казнь. С такой страшной критикой такая тема никем не была затронута в русской живописи. Разрешенная в тех же рембрандтовских отношениях, теми же световыми пятнами, как и его пейзажи того времени, эта серия изображений человеческой пытки, к сожалению, как и многое в его живописном творчестве, не нашла своего завершения.

Определив далеко свое время, художник не оставил ни одного капитального произведения и не имел ни последователей, ни учеников. С одной стороны, в этом повинна его тяжелая жизнь, при которой только можно удивляться и такому оставленному им живописному наследству, а с другой — общественные условия его времени были не таковы, чтобы его могли понять и поддержать.

Предтеча реализма передвижников он, казалось, мог бы после ссылки, когда общественные отношения изменились, развернуть свои творческие возможности, но и дальнейшая его жизнь ставила ему такие преграды, при которых человек с менее твердой волей едва ли бы осуществил вообще что-нибудь, а Шевченко, несмотря ни на что, стал гравером, завершив свое стремление к распространению произведений искусства среди широких народных масс.

* * *

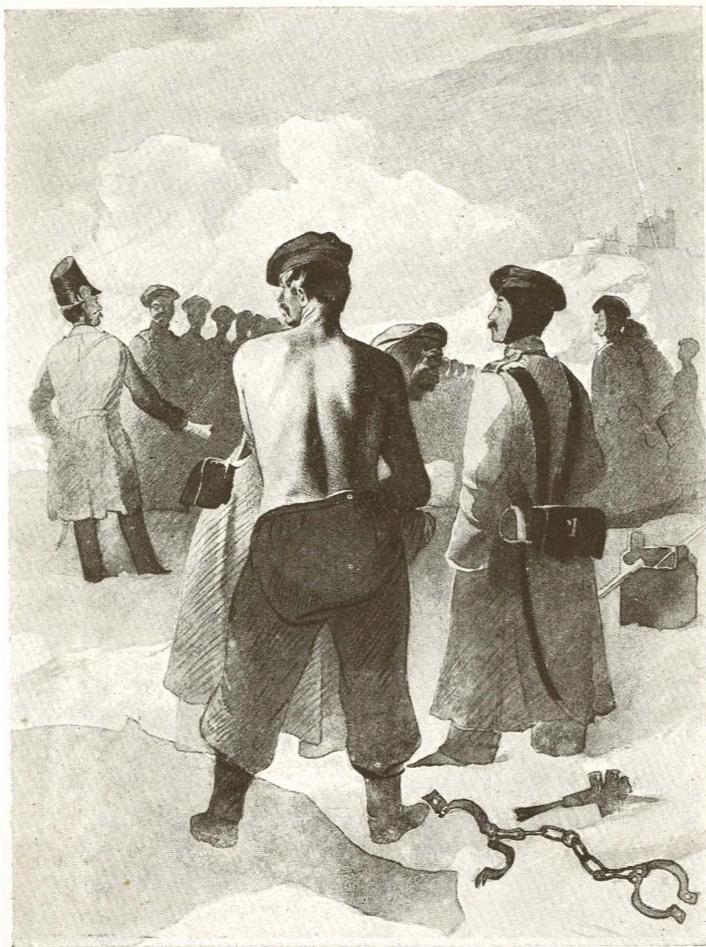

После получения приказа об отставке художник еще две недели не мог выехать из форта. Ведомственные неурядицы заставляли его ехать в Оренбург за получением «установленного вида». Однако, комендант Усков на свой страх решил выдать ему проездной билет до Астрахани, благодаря чему художник избавился от путешествия лишних 1.000 верст. 2-го августа 1858 г. он оставил, наконец, свою тюрьму и поплыл в лодке через Каспийское море в Астрахань. В Астрахани он задержался, ожидая парохода, осмотрел город и пытался первым делом пополнить свои литературные пробелы, но провинциальная публичная библиотека встретила его неприветливо: кроме «Русского Вестника», он в ней ничего не нашел. Вскоре приезд его в Астрахань был обнаружен нашедшимися здесь друзьями, и для художника неожиданно наступил праздник. «С 15 по 22 августа», записывает он в «Дневнике», «был у меня в грязной и пыльной Астрахани такой светлый прекрасный праздник, какого еще не было в моей жизни. Земляки мои, большею частью кияне, так искренно, радостно, братски приветствовали мою свободу... Благодарю вас, благородные, беско-

рыстные друзья мои. Вы подарили меня такую радостью, таким полным счастьем...»

Благодаря этим же друзьям его старый знакомый богач Сапожников ⁴⁵⁾, к которому сам он решил не ходить, узнал о его пребывании в Астрахани и об ожидании им парохода и предложил ему каюту до Нижнего, куда ехал сам на абонированном пароходе «Князь Пожарский». Шевченко принял предложение и 22-го августа пароход отчалил от Астраханей, увозя с собой художника в Нижний. На пароходе он очутился в обществе Сапожникова и его семьи, людей образованных, любивших литературу и имевших с собой целую библиотеку. По вечерам устраивались литературные чтения, при чем у капитана Кишкина был запас нелегальных по тому времени произведений. Читались поэмы Рылеева ⁴⁶⁾, переводы из Барбье ⁴⁷⁾, Беранже ⁴⁸⁾ и др. Из современных русских писателей особенно сильное впечатление произвели на художника «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина ⁴⁹⁾. «О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какую радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда».

Мысль художника, все его чувства всегда были вместе с теми, кто пером или каким-либо другим способом боролись за освобождение класса, из которого он вышел сам. До какой степени его трогало рабское положение крестьянства свидетельствует случай, происшедший на пароходе и напоминающий эпизод его знакомства с Лукашевичем. На одной из остановок, на пароход зашел капитан другого парохода, некто Возницын, помещик Тверской губ. Между прочим

НАКАЗАНИЕ ШПИЦРУТЕНАМИ
(Из притчи о „Блудном сыне“). Гос. Русский Музей. Ленинград

выяснилось, что этот Возницын едет к себе в имение по случаю предстоящего освобождения крестьян. Шевченко, заметив, что Возницын, «хотя и либерал, проговорил эту великолепную новость весьма не с удовольствием», тотчас же прекратил беседу и, закутавшись в свой «чапан», лег спать.

На пароходе, впервые, после долгих лет, он услышал музыку и под ее впечатлением он записывает в «Дневнике»: «Я никогда не наслушаюсь этих общеславянских, сердечно-глубоко-унылых песен. Благодарю тебя, крепостной Паганини, благодарю тебя, мой случайный, мой благородный! Из твоей бедной скрипки вылетают стоны поруганной крепостной души и сливаются в один протяжный, мрачный, глубокий стон миллионов крепостных душ. Скоро ли долетят эти пронзительные вопли до твоего свинцового уха, наш праведный, неумолимый, неублажимый боже!».

Вообще окружающие люди и обстановка глубоко повлияли на него. «Все окружающие меня, все так дружески просты, так внимательны, что я от избытка восторга не знаю, что с собой делать, и, разумеется, только бегаю взад и вперед по палубе, как школьник вырвавшийся из школы. Теперь только я сознаю отвратительное влияние десятилетнего унижения, теперь только я вполне чувствую, как глубоко во мне засела казарма со всеми ее унижительными подробностями... Простое человеческое обращение со мною теперь мне кажется чем то сверхъестественным, невероятным».

Живописью художнику в дороге почти не удалось заняться. Пароход сильно трясло, контуры берегов быстро менялись и только во время остановок он делал зарисовки берегов.

Целый месяц длилось путешествие по Волге и только 20 сентября Шевченко, вместе с Сапожниковыми, приехал в Нижний-Новгород. Здесь ждала его неприятная новость. Управляющий пароходством Брылкин секретно сообщил, что у него имеется предписание полиции немедленно дать знать, как только художник приедет в город. Это были результаты той ведомственной путаницы, в силу которой Усков еще в Новопетровске две недели колебался выдать ему проездной билет на Астрахань. Оказалось, что при амнистии Шевченко был воспрещен везд в обе столицы, о чем Усков узнал позднее и, получив «строгий выговор», спохватился и забил тревогу, так как выдал проездной билет до Петербурга. Нижегородская, московская и петербургская полиции, извещенные об этом обстоятельстве, должны были объявить художнику, чтобы он «немедленно возвратился в Оренбург, где он должен иметь местожительство, впредь до окончательного увольнения его на родину».

Известие это потрясло Шевченко. 21 сентября он записывает: «Проклятие вам корпусные и прочие командиры, мои мучители безнаказанные! Гнусно! Бесчеловечно! Отвратительно гнусно!». Друзья, во избежание путешествия в Оренбург, посоветовали художнику «заболеть». На счастье «власти» Нижнего оказались людьми покладистыми; был составлен протокол о какой-то продолжительной болезни, и губернатор разрешил ему жить в городе «впредь до выздоровления». Таким образом, не по своей воле, но «проболел» художник в Нижнем ровно полгода, причем все это время Толстые хлопотали в Петербурге о разрешении прибыть в столицу хоть на два года, для усовершенствования в живописи и занятий в Академии художеств.

Жил художник в Нижнем довольно спокойно. В городе он перезнакомился со всем местным обществом; со многими близко сошелся; принимали его везде дружелюбно и гостеприимно. В то же время велась деятельная переписка с друзьями и «запойное» чтение современной литературы, от которой он так отстал за свою десятилетнюю ссылку. Живописные древности Нижнего привлекли его внимание, и он много работал над зарисовками Кремля и соборов, делая в то же время портреты с своих друзей и знакомых, частью даром, частью за плату. К сожалению, большинство этих портретов до сих пор неизвестны, пейзажные же виды Нижнего почти все сохранились, и ныне находятся в Черниговском музее. Тогда же начинается и возрождение его поэтического творчества. В Нижнем написана одна из лучших его поэм «Неофиты», стихотворения «Доля», «Муза», «Слава» и приведена в порядок «Невольницынка поэзия», т.-е. стихотворения времен ареста и первой ссылки до 1850 г.

Однако, несмотря на работу, дружеское общество образованных и расположенных к нему людей Шевченко чувствовал себя одиноким и уязвленным в отдалении от друзей, Петербурга и Академии, да к тому же, находясь еще под надзором полиции. «Хороша свобода! Собака на привязи! Это значит не стоит благодарности В(аше) В(еличество)».

Он обращается к друзьям Кулишу, Лазаревскому и Щепкину с просьбой приехать к нему в Нижний. Но только Щепкин отозвался на его призыв. Он приехал на шесть дней, сыграл три спектакля в городском театре и доставил своему другу-художнику великую радость.

Разочарование в неудачном романе с артисткой местного театра, однако, не очень отразилось на нем,

так как было парализовано полученным как раз в то время извещением Лазаревского о разрешении ему жить в Петербурге под надзором полиции и посещать классы Академии под руководством Ф. П. Толстого.

10 марта художник приехал в Москву и остановился у М. С. Щепкина. По приезде он заболел, у него распух глаз, на лбу появились прыщи и потребовалась помощь врача. «Сам чорт растянулся среди дороги и не пускает меня к вам», писал он из Москвы Лазаревскому.

Узнав о его приезде в Москву к дому Щепкина потянулись друзья поэта: в день его приезда собрались проф. Максимович, писатели Кетчер⁵⁰⁾, Афанасьев⁵¹⁾ и Бабст⁵²⁾. Лечить его приезжал Мин⁵³⁾ — доктор и переводчик Дантовской «Божественной Комедии». Через несколько дней ему стало лучше, и он, несмотря на запрещение врача, не усидел дома и отправился навестить своего старинного друга, В. Н. Репнину.

«Она счастливо переменялась, пополнела и как будто помолодела. И ударилась в ханжество, чего я прежде не замечал», записывает он в «Дневнике», ни слова больше не прибавляя об этом свидании людей, которые когда-то были связаны чувством, большим, чем дружба. А Репниной он показался «совсем потухшим». Больше они уже никогда не видались.

Поправившись, художник начал осматривать Москву и посещать старых и новых знакомых. Он успел побывать у самых интересных людей тогдашнего московского общества: был у Кетчера, Бабста, Забелина⁵⁴⁾, Якушкина⁵⁵⁾ и, наконец, в самый «радостнейший из радостных дней» у С. Т. Аксакова⁵⁶⁾; в книжном магазине сына Щепкина встречался со Станкевичем⁵⁷⁾, Коршем⁵⁸⁾, Чичериным⁵⁹⁾, видел Погодина⁶⁰⁾

и Шевырева⁶¹). «Грешно роптать мне на судьбу», записывает он 21 марта, «что она затормозила мой поезд в Питер. В продолжении недели я здесь встретился и познакомился с такими людьми, с какими в продолжение многих лет не удалось бы встретиться».

Накануне отъезда Шевченко заехал проститься к Аксаковым и вместе с Константином и Иваном Аксаковыми⁶²) поехал к Кошелеву⁶³), где познакомился с Хомяковым⁶⁴) и вернувшимся из сибирской ссылки декабристом, кн. Сергеем Волконским⁶⁵). «Кротко, без малейшей желчи, рассказал он мне некоторые эпизоды из своей 30-летней ссылки и в заключение прибавил, что те из его товарищей, которые были заточены по одиночке, все перемерли, а те, которые томились по несколько вместе, пережили свое испытание, в том числе и он».

Декабристы вообще имели большое влияние на мировоззрение Шевченко. По возвращении из ссылки ему довелось лично узнать некоторых из них. Кроме вышеописанной встречи с Волконским в Нижнем у Якоби, «аристократа» и «едкого либерала», он познакомился с Ив. Ал. Анненковым⁶⁶), которого описал так: «Седой, величественный кроткий изгнанник в речах своих не обнаруживает и тени ожесточения против своих жестоких судей, даже добродушно подтрунивает над фаворитами коронованного фельдфебеля...». Позднее, в Петербурге он встречался с бар, Штейнгелем⁶⁷). Во время плаванья по Волге Шевченко слушает чтение поэм Рыльева «Наливайко» и «Войнаровский». В Нижнем он читает брошюру Герцена⁶⁸) «Крещеная собственность» и ведет беседы о книге политического изгнанника, декабриста Николая Тургенева⁶⁹). Все, что касается декабристов, живо интересуется Шевченко.

Про такое же отношение его к декабристам говорит и его ненависть к их коронованному палачу. Увидав в Нижнем у англичанина Гранда «Полярную Звезду» Герцена с портретами повешенных декабристов на обложке, он записывает в «Дневнике»: «Обертка, т. е. портреты наших первых апостолов-мучеников, меня так тяжело, грустно поразили, что я до сих пор еще не могу отдохнуть от этого мрачного впечатления. Как бы хорошо было, если бы выбить медаль в память этого гнусного события. С одной стороны портреты этих великомучеников с надписью: «Первые русские благовестители свободы», а на другой стороне медали портрет «неудобозабываемого тормоза» с надписью: «Не первый русский коронованный палач». Там же в Нижнем он пишет стихотворение «Юродивый», в котором есть такое обращение к декабристам:

...Око, око!
Не дуже бачиш ти глибоко!
Ти спиш в кіоті, а царі —
Та цур їм, тим царям поганім!
Нехай верзуться їм кайдани,
А я долину на Сибір
Аж за Байкал; загляну в гори
В вертепи темні і в нори,
Без дна глибокі, і вас,
Споборники святої волі —
Із тьми, із смрада, із неволі,
Царям і людям на показ,
На світ вас виведу, на-далі
Рядами довгими в кайданах...

Но и до своей ссылки Шевченко, несомненно, был знаком и с делами, и с творениями декабристов. По-

эмы «Великий Лях», «Сон», «Кавказ», за которые он пострадал, свидетельствуют, что и тогда он видел в них «первых русских благовестителей свободы», подлинных революционеров, бывших для него живым образцом. Влияние на него декабристов определяет их как посредствующее звено, между ним и членами Кирилло-Мефодиевского братства, имевшим идейную связь с обществом Соединенных Славян. Поэма Шевченко «Тризна» носит в себе не только формальное, но и идеологическое влияние Рылеева, и если Шевченко в ней еще не стал на путь революционной борьбы, то это может быть объяснено влиянием религиозной княжны Варвары Николаевны Репниной, которой посвящена поэма.

Шевченко и декабристы одновременно вернулись из ссылки. Не меньше, чем они ощутил он на себе руку «коронованного фельдфебеля». Поэтому с таким благоговением описывает он в своем «Дневнике» все встречи с ними, его духовными учителями. Но революционное мирозерцание Шевченко складывалось не только под их влиянием. Ему были хорошо знакомы современные теоретические проблемы французского утопического социализма. В повести «Прогулка с удовольствием»... мы находим такие его мысли: «Выходит, что идея о коммунизме не одна только пустая идея, не глас вопиющего в пустыне, а что она удобоприменима к настоящей прозаической жизни». Насколько этот взгляд его не был случаен, подтверждается и его «Дневником». Проезжая по Волге, по местам освещенным легендами о Стеньке Разине, он записывает: «Разин не был разбойником, он только на Волге брандвахту держал и собирал пошлину с кораблей и раздавал ее неимущим людям; коммунист выходит».

В своих социально-политических взглядах Шевченко шел еще дальше, придавая больше значения экономическим факторам в революционной борьбе, о чем свидетельствует такая запись его «Дневника»: «Великий Фультон! И великий Уатт! Ваше молодое не по дням, а по часам растущее дитя в скором времени пожрет кнуты, престолы и короны, а дипломатами и помещиками только закусит, побалуется, как школьник леденцом. То, что начали во Франции энциклопедисты, то довершит на всей нашей планете ваше колоссальное, гениальное дитя. Мое пророчество несомненно».

Таким образом, Шевченко был в курсе передовой европейской мысли своего времени и поэтому отнюдь не случайным эпизодом было его участие в Кирилло-Методиевском братстве, взгляды которого он опередил, развивая и углубляя позднее свое мировоззрение. И поэтому неправилен взгляд на его творчество, только как на романтическую интуицию. Шевченко в своей практической деятельности — сознательный революционер, стремящийся осуществить в жизни свое социалистическое мировоззрение.

Рассматривая же под этим углом зрения его живописное наследство, может быть, будет легче объяснить и появление в нем такой социальной темы, как «Блудный сын», оставшейся, к сожалению, незавершенной и не имевшей дальнейшего развития. Она близка его поэзии, его скорби по тяжелым драмам «униженных и оскорбленных», еще горшим гневом наполнявшими его душу, лелевшую мечту о «свободном царстве трудовых людей».

А сознательное стремление быть гравером, приносить пользу народу, распространением среди масс произведением искусства, разве это не подтверждение практического осуществления в жизни его взглядов!

Шевченко приехал в Петербург 27 марта 1858 г., приехал физически совсем другим человеком, чем выехал оттуда 11 лет назад. Доктор Казачковский, хорошо его знавший, говорит, что он «возвратился из киргизских степей с здоровьем совершенно разбитым, с организмом навеки преждевременно искалеченным и обессиленным».

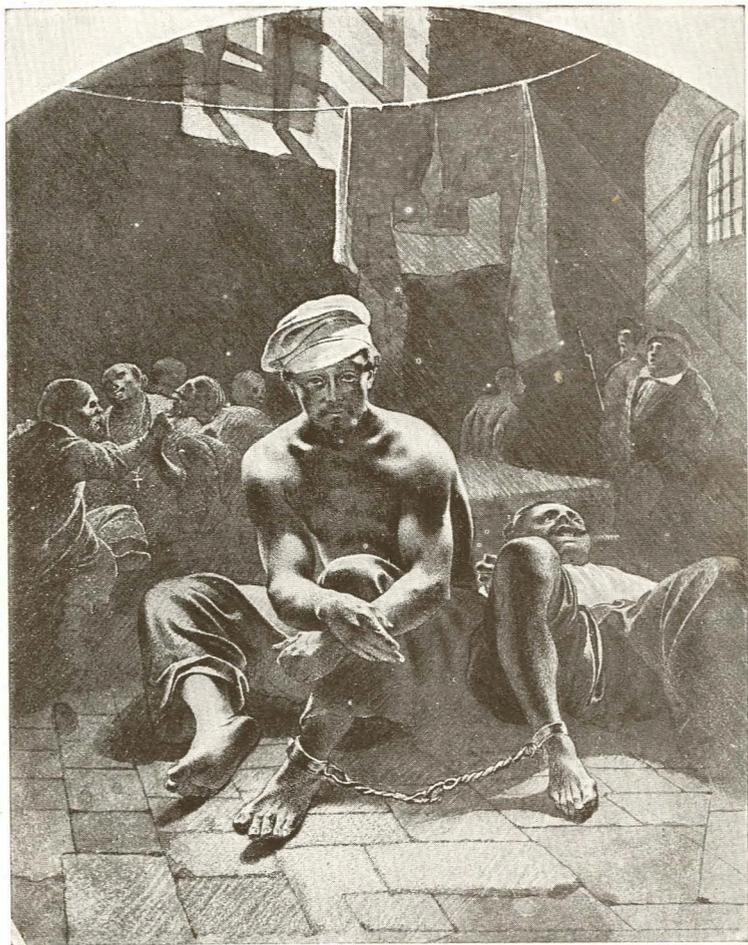
Повидавшись в день приезда с М. Лазаревским, вечером вместе с ним он отправился к Толстым. В «Воспоминаниях» Е. Ф. Юнге есть описание этого свидания: «Раздался звонок, вошел он с длинной бородой, с добродушной улыбкой, с полными любви и слез глазами. «Серденькы мои! други мои! родные мои!» говорил он. Уж я не знаю, что тут было: все целовались, все плакали, все говорили зараз...»

Покончив со всеми неприятностями, связанными с положением поднадзорного, т. е. представившись «по начальству», сначала правителю канцелярии обер-полицеймейстера, потом оберу, и наконец, шефу жандармов, Шевченко мог, наконец, приступить к творческой работе. Однако, бесчисленное количество старых и новых знакомых первоначально отнимали

все его время, и его «Дневник» точно перечисляет, где он бывал, с кем говорил и видался. Среди называемых им имен мы встречаем и Льва Толстого, и Мея⁷¹⁾, Полонского⁷²⁾, Бенедиктова⁷³⁾, В. С. Курочкина⁷⁴⁾, Кавелина⁷⁵⁾, бр. Жемчужниковых⁷⁶⁾ и многих других. Петербургское общество встретило его восторженно, так как героем в глазах либеральной общественности 50-х гг. являлся всякий борец, пострадавший за свои убеждения.

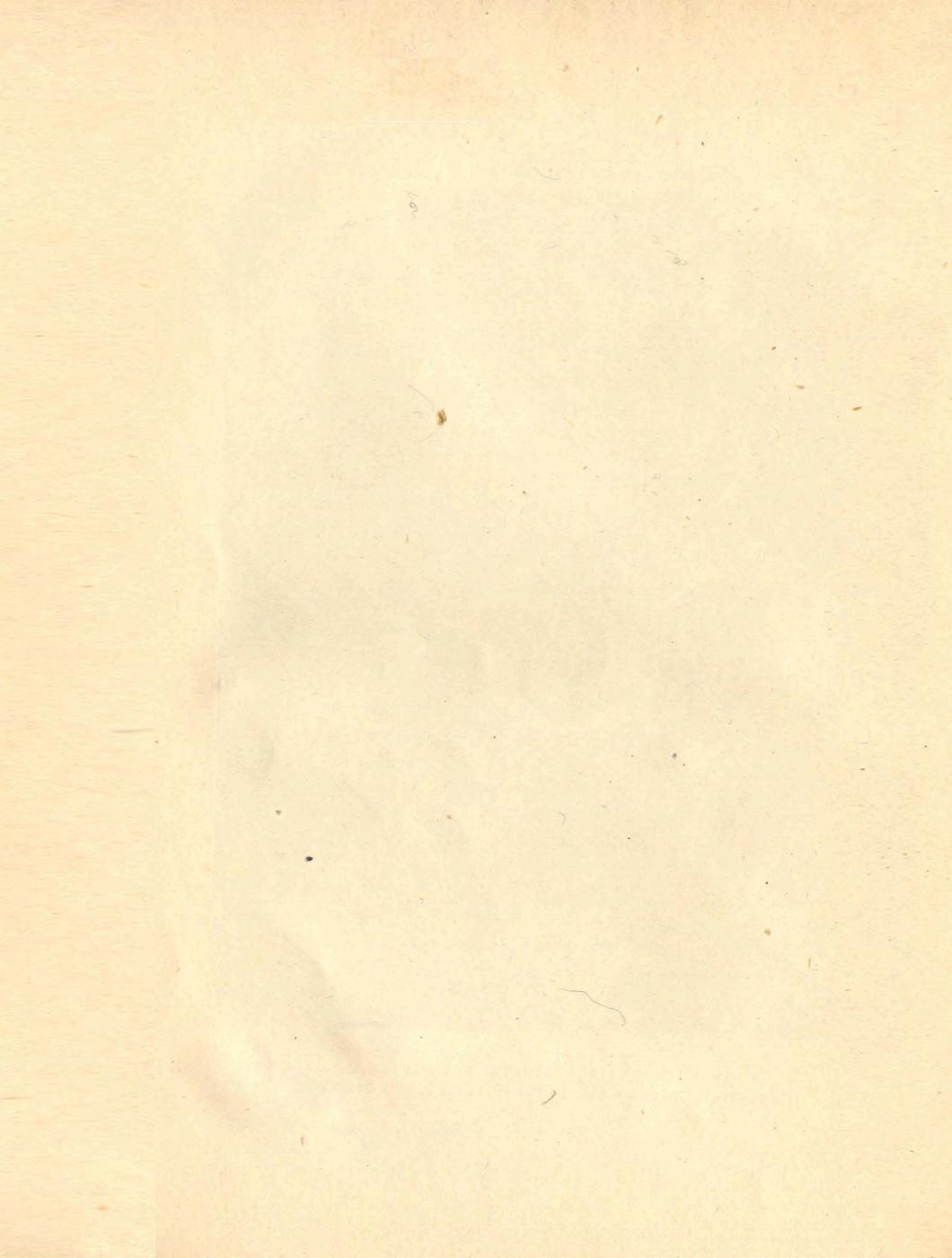
И так было не только в первые дни после возвращения его в Петербург, но и много позднее, год и два спустя. В одном из современных дневников (воспоминания Е. А. Штакеншнейдер) описывается вечер в пользу воскресных школ с участием Бенедиктова, Полонского, Майкова, Писемского, Достоевского и Шевченко.

«Шевченко она (публика) так приняла, точно он гений, сошедший в залу пассажира прямо с небес. Едва успел он войти, как начали хлопать, топтать, кричать. Бедный певец совсем растерялся. — Думаю, что неистовый шум этот относился не столько лично к Шевченко, сколько был демонстрацией. Чествовали мученика, пострадавшего за правду. Но ведь Достоевский еще больший мученик за ту же правду... Шевченко был только солдатом. Достоевский был в Сибири на каторге. Между тем, Шевченко ошеломили овациями, а Достоевскому хлопали много, но далеко не так. Вот и разбери. — С Шевченко даже вышло совсем удивительно. Он нагнул голову и не мог вымолвить слова. Стоял, стоял и вдруг повернулся и вышел, не раскрыв рта. Шум смолк и водворилась тишина недоумения. Вдруг из двери, через которую выходили на эстраду чтецы, кто-то выскочил и схватил стоящие на кафедре графин воды и стакан. Оказалось, что Шевченко дурно...»

ПОСЛЕ НАКАЗАНИЯ В ТЮРЬМЕ
(Из притчи о „Блудном сыне“). Гос. Русский Музей, Ленинград

Музей имени Трудого
Черного Ивана
Республиканский Музей
УРСР имени ИВАН

Но прошло не много более месяца, как художник начинает свои работы по изучению гравюры. 3 мая он записывает в «Дневнике»: «Был в Эрмитаже... Встретился и познакомился с знаменитым гравером Иорданом⁷⁷⁾. Он слышал о моем намерении заняться аква-тинтой и предложил мне свои услуги в этом новом для меня деле... После внимательного обозрения, остановился я на эскизе Мурильо⁷⁸⁾ «Святое семейство». Итак, принимаюсь за опыты, а потом и за Мурильо». 4 мая следует запись: «Был у Ф. И. Иордана. Он показал мне в продолжение часа все новейшие приемы гравюры акватинты. Изъявил готовность помогать мне всем, что от него будет зависеть. Я расстался с ним вполтину будущим гравером».

Художник упорно работает, о чем свидетельствует «Дневник», вплоть до конца его записей 20 мая 1858 г. Даже в те дни, когда в Петербург приезжает его «великий друг» М. С. Щепкин, он не может оторваться от занятий гравюрой. Позднее он пишет Щепкину: «Я как вол затынулся в работу, на этюдах сплю, из натурального класса не выхожу, так занят, что не имею времени написать даже коротенькое письмо».

Если Шевченко, на первых порах изучения этой почти новой для него области искусства, помог Иордан, то в дальнейшем помощь последнего едва ли была существенной. В Академии техника офорта была давно забыта, и художнику пришлось идти самостоятельным путем. Увлечения Брюлловым прошли и даже от личности «Великого Карла» осталось разочарование. Еще с Орской гауптвахты он писал Жуковскому: «Я писал в первый год моего изгнания Карлу Павловичу, и никакого результата; бедный он великий человек!.. Позволяю себе думать, что и первое добро (написание вашего портрета) было сделано случайно».

Услышав же в Петербурге рассказы учеников Брюллова, Михайлова и Лукашевича о его «изумительном, неслыханном скаредничестве» Шевченко записывает: «Кроме нравственного бессилия, нечем растолковать подобное явление».

Как уже говорилось, единственным учителем художника был Рембрандт. Рембрандтом увлекался он и раньше и на его ранних автопортретах и в киргизских пейзажах заметны эти влияния. Теперь он начал его изучать. Он делает офорты с его «Притчи о виноградарях», «Автопортрета», «Лазаря» и др. дошедшие до нас его альбомы (альбом Сулиева в Киевском музее) показывают, что он постоянно делал зарисовки с его набросков и офортов. Один из исследователей творчества Шевченко К. Шероцкий так характеризует его гравюрную манеру: «В офортах Шевченко действительно находим скоро все характерные черты техники Рембрандта: те же неровные, пересекающиеся в разных направлениях штрихи, длинные и частые для фонов и темных мест и мелкие, почти похожие на точки в местах светлых; применялись они для усиления световых эффектов, которыми Шевченко окончательно заменил прежние цветовые задачи школы Брюллова. Сознательность, с которой применяются эти приемы в работах Шевченко резцом и крепкими жидкостями, и полная свобода его техники, дают право поставить его офорты в среду лучших произведений этого рода».

Выбор сюжетов опять-таки очень характерен для его отношения к жизни и претворения ее в образы искусства. Если в Рембрандте его привлекали световые задачи, то в гравированной им картине Мурильо, помимо аналогичного разрешения проблем света и тени, тема «крестьянской» Мадонны близка его взглядам,

нашедшим свое выражение в поэме «Мария», где библейская история превратилась в простой человеческий рассказ о «девушке-покрытке» и трогательных заботах матери о сыне.

Петербургская Академия, любившая давать прозвища художникам, называла его русским Рембрандтом, подобно тому, как был русский Ван-Дик — Кипренский, и русский Рафаель — Егоров⁷⁹⁾.

За 2 года своей жизни в Петербурге Шевченко успел сделать много офортов. 27 его произведений этого рода хранятся в Черниговском музее. Среди них офорты с Рембрандта, Мурильо, Брюллова, Лебедева⁸⁰⁾, Меццерского⁸¹⁾, Соколова⁸²⁾ и, наконец, с собственных рисунков, портретов и автопортретов. Кроме этих офортов, известны еще «Мальчик киргиз, согревающийся у печки» (Киевский музей), «Старец на кладбище», «Сама себе господиня в хате», «Женщина перед монахиней» (гравюра на дереве) и др.

Занимаясь офортом, он, однако, не оставляет и живописи. В петербургский период написан масляный портрет Кочубея, — доносчика Петру I на Мазепу, писавшийся с соблюдением исторических подробностей костюма и лица, и приблизившийся к типу народного портрета, портрет М. С. Щепкина, портреты бр. Лазаревских, их матери и др.

Жил в это время Шевченко в Академии, где ему была отведена квартира.

В апреле 1859 г. он подает прошение на получение звания академика, представляя 2 гравюры: одну с Рембрандта, а другую — с Соколова, по другим же сведениям с Марильо, прося, в случае недостаточности их для определения его успехов, задать ему «программу». Академия признала его работы и 16 апреля ему было предоставлено звание «назначен-

ного» в академики. Меньше чем через год, а именно 2 сентября 1860 г., советом Академии ему было присвоено звание академика «за искусство и познания в гравировальном искусстве», при чем диплом помещен 31 октября 1860 г. В это время художник был болен и диплом был вручен после его смерти М. Лазаревскому для доставления наследникам.

Если в своих жанровых, бытовых и даже пейзажных произведениях художник был новатором и не только для одного своего времени, то то же самое относится и к гравюре. Техника офорта, как уже говорилось, была забытой и ему принадлежит честь ее возрождения. Если бы не его почин, то едва ли русское искусство видело офорты Шишкина⁸³⁾ и многих других офортистов. Реалист Шевченко открыл путь родственному ему по духу реалистам-передвижникам.

В напряженной работе по изучению офорта провел художник лето, осень 1858 г. и зиму 1859 г., но работа не давала успокоения его измученной душе, чувствовавшей падение физических сил. Он никому не говорил об этом и только раз признался самому себе в стихотворении:

Я не нездужаю, нівроку,
А щось такеє бачить око,
І серцеє жде чоґось. Болить...
Болить і плаче, і не спить,
Мов не годована дитина.

В обычной жизни «ласковый и мягкий», как описывает его Е. Ф. Юнге, «горячий в спорах», но «с горячностью нежной и милой, как и все в нем», «действовавший обаятельно на людей, он становился неузнаваемо раздражителен, когда вспоминал о пережитом. «Вспоминая о своем детстве, о своих родных, на-

ходившихся еще в крепостном состоянии, Шевченко скрежетал зубами, плакал, наконец, взвизгнув, так хватил кулаком по столу, что чашки с чаем слетели на пол и разбились вдребезги. Я не мог в эту минуту утешить его, да и не хотел, так как вполне разделяя ненависть его ко всякому рабству», рассказывает Я. П. Полонский в своих «Воспоминаниях».

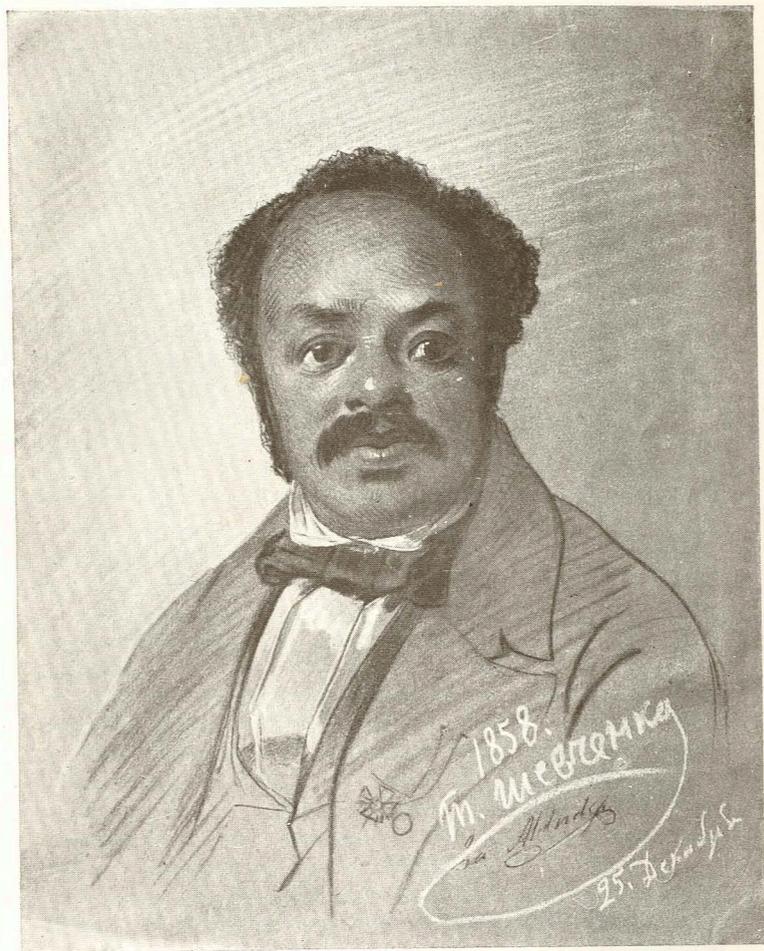
В это время он сильно пьет, его тянет на родину, и он мучительно переживает всю происходившую в «сферах» борьбу вокруг вопроса об «освобождении» рабов. И, может быть, лишь одна встреча за этот петербургский период его жизни доставила ему огромное душевное наслаждение. То было знакомство с великим трагиком-негром, Айра Ольриджем, приезжавшим в Петербурге в декабре 1858 г. Шевченко любил театр и любил Шекспира, но не этим только объясняются его переживания от этой встречи. Ольридж, сын загнанного племени, достигший высоких ступеней мастерства на театре, куда «цивилизованным» миром был запрещен доступ неграм, был близок крепостному Шевченко. Шевченко нарисовал портрет трагика; трагик пел ему негритянские песни, художник отвечал украинскими. Язык одного не был понятен другому и все же они понимали друг друга *). Высокие же трагические переживания доходили до самых глубин измученной души художника. Микешин⁸⁴) рассказывает, что после представления «Короля Лира» в уборной Ольриджа он застал такую сцену: «В широком кресле, развалившись от усталости, лежал «Король Лир», а на нем, буквально на нем, находился Тарас Григорьевич; слезы градом кати-

*) Необходимо отметить, что Шевченко, по многочисленным свидетельствам современников, славился своим исключительным исполнением украинских песен.

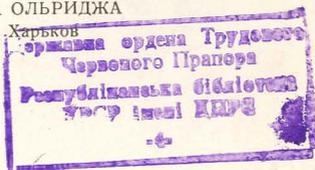
лись из глаз его; отрывочные страстные слова произносил он сдавленным голосом и покрывал поцелуями раскрашенное лицо великого трагика.

Прожив в Петербурге 15 месяцев, художник, наконец, осуществил свою давнишнюю мечту о поездке на родину. Но пришлось пережить не мало унижительных хлопот прежде, чем выбраться из Петербурга. Не было денег, которые он рассчитывал получить от переиздания «Кобзаря». После ареста и ссылки «Кобзарь» был изят и запрещен, и цензурные хлопоты шли очень туго. Полиция не давала паспорта для выезда, так как он состоял «под надзором». «Долго ли они будут издеваться надо мной», пишет он в письме к Максимовичу, а в другом письме к Маркевичам: «Не пускают на родину и «Кобзаря» печатать не позволяют. Не знаю, что и делать. Уж не удавиться ли?» Паспорт, наконец, был выдан, но III отделение уведомило киевскую администрацию, чтобы художник находился все время под неослабным надзором полиции.

В начале июня 1859 г. он выехал на Украину. Навестив своих знакомых, доктора Козачковского, Максимовича, он отправился в родную Кирилловку повидаться с оставшимися в живых братом Никитой и сестрой Ириной. С тяжелым впечатлением от крепостной неволи родных уехал он отсюда в Корсунь, к своему родственнику Варфоломею Шевченко. В Корсунь он прожил около трех недель и это его пребывание запечатлено несколькими акварелями в альбоме Сулиева. В это же время он предпринимает первые шаги к осуществлению своей давней мечты приобрести кусок земли и основаться совсем на Украине. Вместе с Варфоломеем Шевченко они ищут землю и останавливаются на двух десятинах около Канева, при-

ПОРТРЕТ ТРАГИЧЕСКОГО АКТЕРА АЙРА ОЛЬРИДЖА
Центральный Музей им. Т. Шевченко. Харьков

надлежащих помещику Парчевскому. 10 июля в селе Межиричьи они съехали с управляющим Парчевского и землемером для переговоров. К ним присоединилось еще несколько лиц, между ними какой-то шляхтич Козловский, с которым у художника после некоторых колкостей завязался «богословский» разговор. В то время им писалась поэма «Мария» и возможно, что в разговоре он коснулся этой темы и выразил мнение, заключенное в поэме. Спустя 6 дней после этого художник был арестован и привезен сначала в местечко Мошны, потом в уездный город Черкасы, а отсюда в Киев. Царское правительство не оставляло его в покое. По донесению исправника создалось новое дело по обвинению его в «кошунстве и богоотступничестве». В Киеве генерал-губернатор, Васильчиков поручил чиновнику особых поручений Андреевскому снять допрос с художника. Видимо, объяснения его удовлетворили властей, и Васильчиков донес III отделению: «Не придавая делу этому особого значения, я оставляю его без последствий и разрешил Шевченко, согласно изъявленному им желанию, возвратиться в С.-Петербург». Еще около месяца после этого издательского эпизода прожил художник в Киеве, где встречался с своим старым покровителем Сошенко и 14 августа выехал в Переяславль и Прилуки, откуда писал В. Шевченко: «14 августа вырвался я из того святого Киева и теперь направляюсь, не оглядываясь, в Петербург». Заехав по дороге к Лазаревским и написав у них в имении портрет их матери, навестив Тарновского, он побывал в Москве и 7 сентября 1859 г. возвратился в Петербург.

Поездка на родину не принесла ему успокоения. Земли на Украине, где бы он мог продолжать свои дни, так и не удалось приобрести и вот начинается

бесконечная его переписка с Варфоломеем Шевченко о покупке или аренде усадьбы, непременно на берегу Днепра. «Уж там, как знаешь, так и делай, только делай. Мне и до сих пор снится и Днепр и темный лес под горою», — пишет он в одном из писем. Но дело все время тормозится. Один участок меняется на другой, владельцы отказываются под разными предлогами; Шевченко горит нетерпением, сердится на Варфоломея и не понимает, почему он медлит с покупкой.

«К сему имею честь присовокупить, что если бы Шевченко пожелал поселиться в здешнем крае, то я полагал бы отклонить его намерение. Водворение его здесь я не почитаю удобным не потому, чтобы он возбуждал опасения прежним его политическим поведением, но по той причине, что он известен здесь, как человек скомпрометировавший себя в политическом отношении», доносили в Петербург киевские власти. Причина неудач художника, его волнений почти накануне смерти скрывалась там же, где крылись все муки его тяжелой жизни. Правительство Александра II также преследовало его, как ранее тяжелая рука Николая I.

Последние полтора года жизни после поездки на Украину были омрачены неудачным сватовством сначала к Харите Довгополенковой, крепостной девушке, служанке в доме Варфоломея Шевченко, а потом к Лукерье Полусмаковой, крепостной помещика Макарова. Лукерья была его невеста, был назначен день свадьбы, но она расстроилась, и причины разрыва, по последним исследованиям, кроются в недоброжелательном отношении к его женьтибе на крепостной девушке ее временных хозяек, близких знакомых Шевченко, жены Кулиша и ее сестры, поссоривших его с невестой.

Ему казалось, что женитьба, семейная жизнь, переселение на берег Днепра «подопрут» его старые плечи, оживят его иссякающие силы. Но надеждам этим не суждено было сбыться. Душевное состояние его в эту пору жизни все ухудшалось. Расстройство женитьбы, бесконечные хлопоты по освобождению родных, брата и сестры, от крепостной зависимости доводили его до истерик, постоянные смены надежд и разочарований привели к пьянству, которое достигло, по выражению Костомарова, «богатырских размеров». Ни полученное разрешение цензуры на печатание «Кобзаря», ни некоторое, связанное с этим улучшение материального положения, ни предстоявшее получение звания академика, ничто не могло вернуть ему бодрости и утраченных душевных и физических сил.

В октябре 1860 г. художник заболел, и лечивший его доктор Бари запретил ему выходить на воздух. Выяснилась и болезнь, — то была водянка. На праздниках рождества художник все же не усидел дома. В это время видел его Костомаров. «Шевченко явился ко мне во вторник вместе с Павлом Ивановичем Якушкиным, известным собирателем народных великорусских песен. Оба были пьяны до безобразия, особенно Якушкин. Шевченко все-таки держал себя приличнее». «Вскоре после этого», — продолжает Костомаров, — «у Шевченко усилилась и обострилась его болезнь». Однако, он не придавал ей серьезного значения. В январских письмах 1861 г. на родину, он просит найги ему невесту, — намерение жениться и надежды, связанные с женитьбой, не покидают его. Они не покинули его и тогда, когда доктор рассказал ему о его болезни и запретил употребление спиртных напитков. 22 января он пишет Варфоломею: «Кончай

скорее в Каневе (покупкой земли) и напиши мне, чтобы я знал, что делать с собой весной», но уже последнее письмо к тому же Варфоломею (29 января) заканчивается такими словами: «Прощай! устал, как будто «копу» (60 снопов) ржи смолотил в один прием».

В день 19 февраля пришел к нему его знакомый Ф. И. Черненко и первым вопросом было: «Что? есть, есть воля? Объявили манифест?» Глубоко вздохнув, он сказал: «Так нет? Нет! Когда же она будет? Закончив резкой фразой, он закрыл лицо руками, упал на диван и заплакал».

Через несколько дней его навестил Костомаров. «Он сидел за столом, кругом его были неоконченные работы. Он сказал, что его здоровье значительно поправляется и на будущей неделе он непременно придет ко мне... Я простился с ним, взяв с него обещание прийти ко мне на будущей неделе»...

25 февраля, в день его рождения, ему стало хуже, и он страшно страдал. После ухода поздравителей, наедине с Лазаревским, он говорил ему: «Да, если бы на родину; там, быть может, я и выздоровел бы». Утром, 26-го, встав с постели, он выпил чаю и сказал своему слуге: «Убери же здесь, а я сойду вниз», и пошел в мастерскую. На пороге мастерской он ахнул и упал. Художника и певца Украины не стало.

Временные похороны состоялись на Смоленском кладбище Петербурга 28 февраля, на том месте, куда в счастливую пору молодости он ходил срисовывать деревья. Масса народа провожала его до могилы и похороны приняли общественный характер. Писатель Сергей Атава (Терпигорев) рассказывает, что «похороны Шевченко были чисты от всякой театральности.

В апреле было получено разрешение перевезти его тело на родину, и 26 апреля состоялось перенесение гроба со Смоленского кладбища на Московский вокзал. Когда гроб был вырыт из могилы, Кулиш сказал речь, закончив ее словами:

«И что скажут о нас на Украине, если мы отпустим тебя, не покрытого червоною кытайкою. Скажут, что и мы такие же ренегаты, как те дукы, которые позабирали казацкие луга и луки, и пренебрегаем предковскими обычаями... Покройте же, господа, печальный черный гроб славным красным цветом!», и покрытые красным останки художника-поэта отправились в свой последний путь.

По дороге всюду были устроены торжественные встречи. В Киеве колесницу с гробом на протяжении 5 верст везла молодежь. Сопровождаемый толпами народа, гроб 8 мая на пароходе прибыл в Канев. Здесь на Чернечей горе, на том месте, которое Варфоломей Шевченко все-таки сумел заарендовать под усадьбу, нашел свое последнее успокоение поэт.

Много неосуществившихся надежд принесли ему одни горчайшие разочарования, исполнилась же только одна, которая относилась не к жизни и не к борьбе, в которой эта жизнь протекала, а к смерти, с которой до последних минут он не мог примириться.

«Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій:
Щоб лани широкополі
І Дніпро, і кручі
Було видно, було чути,
Як реве ревучий...»

Горек и безотраден был жизненный путь художника, но прошел он его, ни разу не изменив ни своему призванию, ни своим убеждениям. С полным правом он мог сказать «ми просто йшли: у нас нема зерна неправди за собою». «Неправда» в образе царя и его сатрапов постоянно стояла за ним, отрывая его жизнь от искусства. Если ему удалось осуществить свое поэтическое призвание, то как художник он и отдаленно не смог выразить всех живших в нем творческих возможностей. Но задачи, поставленные им и только отчасти разрешенные, надолго опередили свое время. Сумев освободиться от академических цепей, от призрачного блеска творений Брюллова, он показал реальную красоту природы такой, какой она являлась его взору, где бы он ни был. В безотрадной пустыне киргизских степей, точно так же, как среди украинских хуторов, он подошел к подлинной жизни природы и ее слиянию с жизнью живых существ. В жизни людей он показал моменты такой остроты и трагичности, к каким не подходил никто в его время, да и позднее едва ли кто из русских художников коснулся в своем творчестве трагедии «обездоленных». Влюбленный в свою родину, он первый сделал

Украину со всей ее жизнью и историей предметом великого искусства. В этой области впоследствии у него было много подражателей. Но ни один из них не сумел передать подлинной, неприкрашенной Украины. Обогадив сюжеты своих произведений темами украинской жизни, эти художники изображали только ее внешнюю красоту. И страна и украинский народ были для них такой же экзотикой, какой в XVIII веке была вся Россия для приезжих иностранцев. Область эта, которую Шевченко первый ввел в искусство, и до сего времени осталась не раскрытой, и мы ждем, чтобы поднялась, наконец, завеса над целым народом и чтобы его жизнь нашла свое отражение в искусстве.

Многострадальная жизнь Шевченко являет нам особый пример беспощадной борьбы за право осуществить свое призвание. С ранних детских лет, увлекаемый живописью, он, несмотря на невероятные трудности, преодолел их и стал художником. А сколько неведомых жизней погибло на этом пути, о том до нас дошли только глухие отклики, да отрывочные свидетельства. Шевченко помогла его непреклонная воля, но даже несмотря на нее, он все-таки не мог до конца выразить в живописи всего себя, оставив поставленные и только отчасти разрешенные задачи.

Современные ему жизненные и политические обстоятельства в этом отношении оказались сильнее его. Но если те препятствия, с которыми ему пришлось бороться, и отошли в прошлое, то в наше время борьба за право стать подлинным художником в поисках пути от жизни к искусству осталась. И в этом отношении его жизнь, победы и поражения являют высокий пример подвига в борьбе за осуществление художнического призвания.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Д. Г. Левицкий (1735—1822), знаменитый портретист второй половины XVIII века
2. В. А. Боровиковский (1757—1825), знаменитый портретист конца XVIII, начала XIX века.
3. К. П. Брюллов (1799—1852), знаменитый художник, автор картины „Последний день Помпеи“, учитель целого поколения русских живописцев.
4. П. А. Кулиш (1819—1897), украинский поэт, публицист и историк, издатель соч. Гоголя, Шевченко, Квитки и Котляревского.
5. Джованни-Баттиста Лампи-младший (1775—1837), австрийский художник—портретист, работавший в России.
6. Бронислав Залеский, художник; за участие в польском восстании был сослан в Оренбург, где с ним познакомился и близко подружился Шевченко.
7. Адам Мицкевич (1798—1855), национальный польский поэт.
8. А. Г. Венецианов (1780—1847), известный художник, один из первых русских живописцев, воспользовавшихся темами крестьянской жизни для своих жанровых картин.
9. В. А. Жуковский (1763—1852), известный поэт, романтик, увлекавшийся искусством и особенно живописью.
10. Гр. М. Ю. Виельгорский (1788—1856), один из образованнейших людей нач. XIX века, друг Пушкина, Жуковского; поэт и композитор.
11. О. А. Кипренский (1783—1836), известный художник начала XIX века.

12. Г. К. Михайлов (1813—1867), художник, ученик Брюллова, товарищ Шевченко по Академии художеств.
13. В. И. Штернберг (1818—1845), художник, ученик Брюллова, писавший жанровые сцены из жизни и быта Украины.
14. Давид Тенирс-младший (1610—1690), знаменитый фламандский художник, жанрист.
15. Ф. П. Пономарев, товарищ Шевченко по Академии Художеств, оставивший воспоминания о времени их ученичества (Русская Старина, 1880. № 3).
16. П. С. Петровский (1814—1842), художник, ученик Брюллова.
17. Д. Каченко, (род. 1821 г.) архитектор, учился в Академии художеств одновременно с Шевченко.
18. К. И. Иохим (ум. в 1859 г.), художник, ученик Брюллова, изобретатель гальванопластического шрифта.
19. Е. П. Гребенко (1812—1848), известный украинский писатель.
20. М. В. Остроградский (1801—1860), знаменитый математик.
21. В. А. Озеров (1779—1816), драматург начала XIX века; автор ложно-классических трагедий „Дмитрий Донской“, „Эдип в Афинах“ и др.
22. П. Ф. Соколов (1791—1848), художник-акварелист, один из лучших мастеров акварельной портретной живописи.
23. В. И. Гау, художник-акварелист.
24. О. М. Бодянский (1808—1877), профессор славянских языков Моск. университета, украинский поэт, близкий друг Шевченко.
25. Н. А. Маркович, поэт, историк и этнограф Украины.
26. Кн. Н. Г. Репнин—Волконский (1778—1845), брат декабриста С. Волконского, военный генерал-губернатор Украины с 1816 по 1834 гг., где он пользовался чрезвычайной популярностью, за что подвергся опале Николая I.
27. М. С. Щепкин (1788—1863), знаменитый комический актер, создатель славы моск. Малого театра.
28. Н. Д. Иванишев (1812—1874), профессор Киевского университета, писатель, юрист и историк; принимал деятельное участие в работах Археографической комиссии.
29. М. А. Максимович (1804—1873), историк и этнограф, известен его перевод „Слова о полку Игореве“ на украинский язык.

30. А. С. Афанасьев-Чужбинский (1817—1877), этнограф и беллетрист; оставил „Воспоминания“ о Шевченко.
31. Н. И. Костомаров (1817—1885), известный историк украинский писатель.
32. В. М. Белозерский (1823—1899), член Кирило-Мефодиевского братства; впоследствии издатель журнала „Основа“, выходящего на украинском языке.
33. Н. Н. Навроцкий (1803—1859), доктор философии Лейпцигского университета, писатель.
34. Мих., Фед. и Вас. Матв. Лазаревские, близкие друзья Шевченко, много содействовавшие как облегчению его участи в ссылке, так и хлопотавшие о его помиловании в Петербурге.
35. А. И. Бутаков (ум. в 1869 г.), контр-адмирал; в 1848 г. был отправлен для исследования Аральского моря; за его описание избран почетным членом Берлинского географического общества.
36. Сигизмунд Сераковский, ссыльный поляк; будучи возвращен в Петербург, за участие в польском восстании 1863 г. повешен; как офицер генерального штаба много потрудился в деле отмены телесных наказаний в армии.
37. Гр. В. А. Перовский (1794—1857), оренбургский военный генерал-губернатор, известен своим походом на Хиву.
38. К. М. Бэр (1792—1876), выдающийся естествоиспытатель, исследователь Балтийского и Каспийского морей.
39. Н. Я. Данилевский (1822—1885), естествоиспытатель и публицист.
40. Гр. Ф. П. Толстой (1783—1873), известный скульптор живописец и рисовальщик, вице-президент Академии Художеств.
41. Мария Николаевна, дочь Николая I, президент Академии Художеств.
42. А. Н. Островский (1823—1886), знаменитый драматург.
43. П. А. Федотов (1816—1852), известный художник-родоначальник жанровой живописи, писавший сцены из повседневной жизни мелкого чиновничества, купечества и военной среды.
44. Вильям Гогарт (1697—1764), английский живописец и гравер; сатирик, изображавший нравы и пороки современного ему английского общества.
45. А. А. Сапожников, астраханский рыбопромышленник, которому Шевченко в молодости давал уроки живописи.

46. К Ф. Рылев (1780—1826), поэт-декабрист; за участие в декабрьском восстании на Сенатской площади, повешен 13 июля 1826 г.
47. Огюст Барбье (1805—1882), французский поэт, сатирик, имевший огромный успех своими „Ямбами“ во время французской революции 1830 г. В России его стихотворения были запрещены.
48. Пьер-Жан Беранже (1780—1857), знаменитый французский поэт, автор песен, из которых большинство сделалось вполне народными; бичевал возвратившуюся после падения Наполеона аристократию; его поэзия носит отголосок общего социалистического направления эпохи 30-40-х гг.
49. М. Е. Салтыков-Щедрин (1826—1889), известный писатель-сатирик; автор „Губернских очерков“, „Господ Головаевых“ и др.
50. Н. Х. Кетчер (1809—1886), врач, член кружка Станкевича, друг Герцена, переводчик Шекспира.
51. А. Н. Афанасьев (1826—1871), этнограф, собиратель русских народных сказок.
52. И. К. Бабст (1824—1881), профессор политической экономии Казанского, а затем Московского университетов.
53. Д. Е. Мин (1818—1875), поэт, переводчик и профессор гигиены и судебной медицины Моск. университета.
54. И. Е. Забелин (1820—1908), известный археолог и историк.
55. П. И. Якушкин (ум. в 1872 г.), писатель, этнограф, собиратель народных песен.
56. С. Т. Аксаков (1791—1859), известный писатель, автор „Семейной хроники“ и „Детские годы Багрова-внука“.
57. Н. В. Станкевич (1813—1840), писатель, основатель „кружка Станкевича“, вокруг которого группировались передовые люди Московского общества 30-х годов западной ориентации.
58. Е. Ф. Корш (1810—1897), переводчик и журналист, редактор „Московских ведомостей“, отец известного ученого слависта Ф. Е. Корша.
59. Б. Н. Чичерин (1828—1904), юрист, историк права и философ.
60. М. П. Погодин (1800—1875), историк, журналист и археолог; издатель журналов „Москвитянин“ и „Московский Вестник“.

61. С. Шевырев (1806—1864), профессор русской словесности Моск. университета, известный славянофил.
62. К. С. (1807—1860) и И. С. Аксаковы (1823—1886), сыновья С. Т. Аксакова, известные публицисты-славянофилы, поборники идеи русской самобытности.
63. А. И. Кошелев (1806—1883), публицист, деятельный участник освобождения крестьян.
64. А. С. Хомяков (1804—1860), поэт-славянофил.
65. Кн. С. Г. Волконский (1788—1865), декабрист, один из деятельнейших членов Южного общества; был приговорен к каторжным работам и лишь в 1856 г. возвращен в Россию.
66. И. А. Анненков (1803—1888), декабрист, был сослан на 20 лет в Сибирь; в 1835 г. освобожден от каторжных работ и переведен в разряд ссыльнопоселенцев. При Александре II возвращен в Россию.
67. Бар. В. И. Штейнгель (1783—1862), близкий друг Рылева; был посвящен в планы декабристов и приговорен к 20-летним каторжным работам. Вернулся в Россию в 1856 г.
68. А. И. Герцен (1812—1870), известный писатель-публицист, издавал за границей запрещенные в России журналы „Колокол“ и „Полярная Звезда“.
69. Н. И. Тургенев (1789—1881), видный общественный деятель 20-х гг. XIX в. Был привлечен по делу декабристов; во время своего пребывания за границей заочно приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. С возвращением Александра II возвратился в Россию. Во время изгнания написал на французском языке книгу „Россия и русские“.
70. И. И. Пущин (1789—1859), друг Пушкина, декабрист.
71. Л. А. Мей (1822—1862), поэт и драматург.
72. Я. П. Полонский (1819—1898), поэт-лирик.
73. В. Г. Бенедиктов (1807—1873), поэт, имевший в 30-х годах огромный успех своей шумной риторической поэзией. Впоследствии, поддавшись общему настроению в эпоху реформ, стал писать „гражданские стихотворения“.
74. В. С. Курочкин (1831—1876), поэт-сатирик, переводчик, издатель сатирического журнала „Искра“. Особенно известны его переводы Беранже.

75. К. Д. Кавелин (1818—1885), известный публицист, профессор гражданского права, один из самых передовых людей своего времени. Много писал об освобождении крестьян.
76. Бр. Жемчужниковы, один из них Лев Мих (1828—1912), художник, продолживший изд. „Живописная Украина“ после смерти Шевченко; Алексей и Влад. Мих.—поэты, вместе с А. К. Толстым создали „Козьму Прутков“.
77. Ф. И. Иордан (1800—1883), гравер, профессор гравирования в Академии художеств. Впоследствии ректор Академии.
78. Бартоломео-Эстебан Мурильо (1618—1682), знаменитый художник испанской школы.
79. А. Е. Егоров (1776—1851), художник—классик, профессор Академии художеств.
80. М. И. Лебедев (1811—1837), художник-пейзажист.
81. А. И. Мещерский (1831—1903), художник-пейзажист.
82. И. И. Соколов (1823—1910), художник, писавший сцены из украинской жизни.
83. И. И. Шишкин (1831—1898) известный художник и гравер, передвижник; пейзажист.
84. М. О. Микешин (1836—1896), художник-иллюстратор и скульптор, много рисовавший на украинские темы. Оставил „Воспоминания“ о Шевченко (Пчела 1876 г.).

* * *

*

ГЛАВНЕЙШИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- А. Я. Конисский. Жизнь украинского поэта Т. Г. Шевченко.
- Т. Г. Шевченко. Поэмы и повести. Киев. 1888.
- Т. Г. Шевченко. Дневник. Изд. „Пролетарий“ 1925
- Т. Г. Шевченко. Кобзарь. 1876 г. („Автобиография“).
- Т. Г. Шевченко. Поезії. Державне Видавництво, України, под ред. Плевако и Айзенштока.
- „Искусство и художественная промышленность“. 1901. № 3.
- „Искусство в Южной России. 1914. № 1—6.
- „Искусство, живопись, графика и художественная печать. 1911. № 1—5.
- „Русский библиофил“. 1914.
- Офорты Т. Г. Шевченко в собр. В. Тарновского, Киев. 1891.
- Ол. Новицький. Тарас Шевченко як маляр. Львів—Москва. 1914.
- „Малюнки Т. Шевченко“. С. П. Б. 1911.
- „Пчела“. 1876 г. (Воспоминания Прахова и Микешина).
- Сборник, посвященный памяти Т. Г. Шевченко. Москва. 1911.
- Шевченківський Збірник. Т. І. Видавництво Сорабкоп. Киев. 1924.
- Сборник „Южно-русские очерки и портреты“. Киев. 1898.
- М. Гершензон. Русские пропилеи. Т. 2.
- А. Чужбинский. Воспоминания о Т. Г. Шевченко. С. П. Б. 1861.

„Украинская жизнь“. 1913. № 2 и 1914, № 2 (ст. Широцкого).

„Исторический вестник“. 1886. № 1. (Воспоминания В. Г. Шевченко).

„Русская старина“. 1880. № 3. (Воспоминания худ. Пономарева и Костомарова).

„Голос минувшего“ 1918. № 10—12 (ст. Семевского „Кирилло-Мефодиевское братство“).

* *

ОПЕЧАТКА:

На 3 стр. 9 строка снизу напечатано: за *время* перипетиями,
следует читать: за *всеми* перипетиями

✓ н.о/08

15-
154868/082

60

1967. 11
- 60
154868/082
/68

и 3, н. 14

Цена 70 коп.

